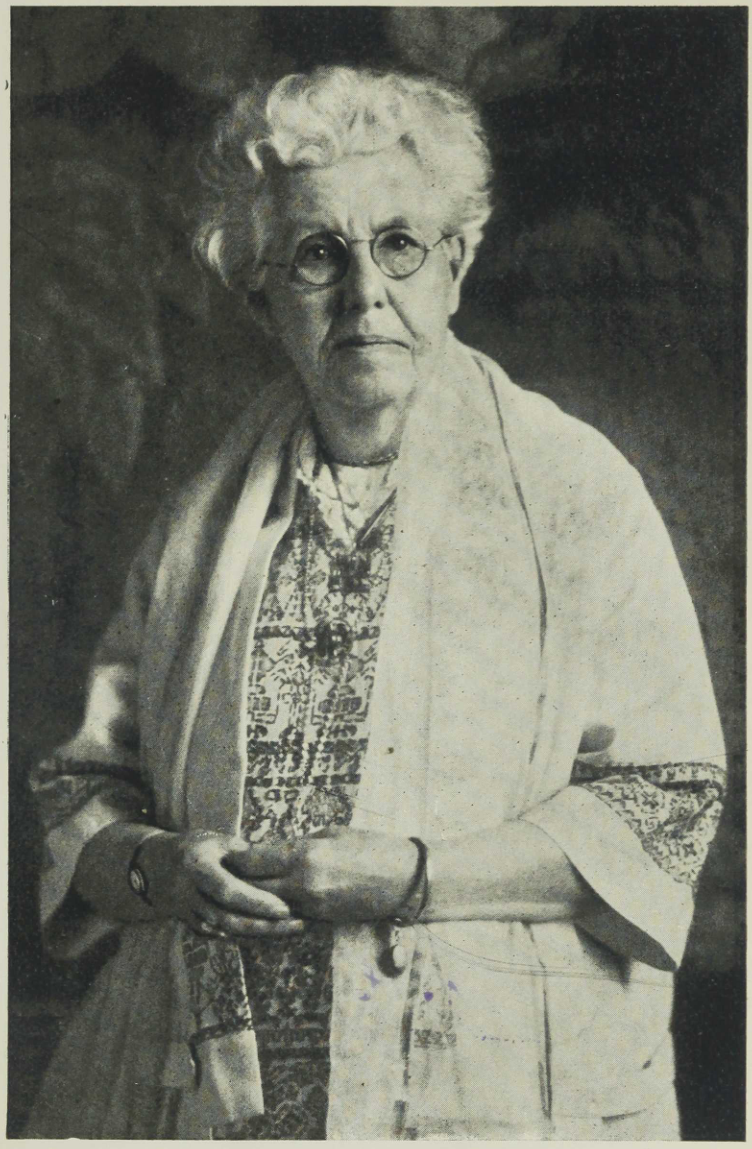
ЧА-69676

А. Безантъ.

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ ХРАМА

Переводъ А. Каменской (Alba)

Третье исправленное изданіе.



Клишэ: Päevaleht—Tallinn

Фот.: Ziegler-Zwolle

Д-ръ АННИ БЕЗАНТЪ

J. & A. Paalmann
Tallinn V. Karja 12.

А. Безантъ.

ВЪ ПРЕДДВЕРІИ ХРАМА

Очищеніе.

Контроль мысли.

Созиданіе характера.

Духовная алхимія.

На порогѣ.

Переводъ **А. Каменской** (Alba).

Третье исправленное изданіе.

J. & A. PAALMANN'i TRÜKK. TALLINN, V. Karja 12.
1929 a.

Предисловіе къ первому изданію.

Книга А. Безантъ „Въ Преддверіи Храма“ имѣетъ глубокое значеніе для тѣхъ, кто стремится къ духовной жизни. Она имѣетъ троякій смыслъ, какъ всѣ духовныя книги, содержащія сокровища истиннаго эзотеризма.

По мѣрѣ того, какъ человѣчество двигается впередъ, оно все болѣе и болѣе сознательно работаетъ надъ подъемомъ своей культуры, и свѣтомъ расширяющагося сознанія оно озаряетъ всѣ сферы своей дѣятельности. Шагъ за шагомъ человѣкъ подвигается, и по мѣрѣ того, какъ онъ трудится и развивается, раскрываются всѣ заложенныя въ немъ божественныя способности. Скрытый въ человѣкѣ Богъ, отраженіе Бога вселенной, проявляется въ трехъ своихъ аспектахъ, какъ воля, любовь и творческій разумъ (Atma-Budhi-Manas). Раскрытіе это совершается въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ Космосѣ. Сперва раскрывается Св. Духъ дѣятельности: творческій разумъ проявляется какъ высшее начало человѣка. Затѣмъ раскрывается второй аспектъ Высшаго Я: любовь, которая сливается съ знаніемъ и становится мудростью. Это Св. Софія, Тео-Софія, Сынъ Божій, Который отдаетъ себя на спасеніе міра. Наконецъ, раскрывается третій аспектъ: воля, просвѣтленная любовью и знаніемъ, слившаяся съ волею Отца и ставшая потому мудрой.

Съ раскрытіемъ второго аспекта Троицы начинается богочеловѣческая эволюція. Реальное это раскрытіе

можно разсмотрѣть, какъ рядъ психологическихъ моментовъ, начинающихся съ побѣды надъ звѣремъ и заканчивающихся торжествомъ сокровеннаго Бога. Идеалъ истинно духовнаго человѣка побѣждаетъ звѣря: идеалъ Божественный поднимаетъ человѣка надъ самимъ собою и творитъ сверхчеловѣка.

Здѣсь, на порогѣ высшихъ переживаній, озаренный и просвѣтленный, человѣкъ прощается навсегда съ жизнью стихійной и сознательно беретъ свою эволюцію въ собственныя руки. Всѣ свои силы, весь свѣтъ своего разума, весь накопленный духовный опытъ онъ устремляетъ на *сокровенное зодчество*. Какъ искусный художникъ каждымъ взмахомъ кисти проводитъ черту, нужную для выявленія того образа, который горитъ въ его душѣ, такъ вступившій на путь шагъ за шагомъ строитъ свойства и качества, изъ которыхъ постепенно создается характеръ, достойный засіявшаго передъ нимъ идеала. По строго выработанному плану онъ приводитъ въ порядокъ мятежныя силы своей души, гармонизируетъ и направляетъ ихъ, строя въ себѣ новаго человѣка, высшій біологическій типъ, 2-го Адама. Человѣкъ, способный на такое творчество, идетъ быстро впередъ, сжигая на пути всѣ свои оковы, всѣ свои ограниченія, не позволяя себѣ ни минуты медлить или останавливаться. Въ немъ развивается равнодушіе къ себѣ, къ своимъ хотѣніямъ или чувствованіямъ и потому полное безстрастіе, которое въ свою очередь рождаетъ безстрашіе. И тогда начинается та пламенная работа духа, которая не останавливается ни передъ какими препятствіями и не боится никакого напряженія. Всѣ желанія души сгорѣли въ одномъ желаніи подготовить себя къ достойному служенію и потому „своей воли“ больше нѣтъ. Сознательно и свободно, съ твердой послѣдова-

тельностью человѣкъ строитъ новый типъ человѣчества, того *сверхчеловѣка*, который приведетъ его къ Храму. Въ этой работѣ ничего нѣтъ случайнаго и порывистаго, все строится по строго обдуманному плану, все имѣетъ значеніе и мѣсто до самыхъ простыхъ мелочей жизни, и потому каждая подробность должна быть отдѣлана до совершенства. Это въ полномъ смыслѣ слова углубленная и терпѣливая работа садовника, который съ знаніемъ дѣла и неусыпнымъ вниманіемъ отдается культурѣ своего сада, ежедневно поливаетъ, подчищаетъ и ухаживаетъ за своимъ садомъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы ни одинъ листокъ не погибъ отъ паразитовъ, ни одно растеніе не имѣло недостатка въ солнцѣ и влагѣ. Вступившій на духовный путь уподобляется такому усердному и терпѣливому садовнику, который не испытываетъ скуки или утомленія, потому что его вниманіе устремлено на будущее, и потому что онъ знаетъ законъ роста: онъ знаетъ, что и самая малая былинка не можетъ вырости, если корни ея не получатъ должнаго питанія, и стебель ея не будетъ купаться въ чистомъ воздухѣ и въ лучахъ солнца. Но для того, чтобы человѣкъ могъ признать все значеніе работы по сознательному плану, онъ долженъ стоять на опредѣленной ступени, онъ долженъ покончить счеты съ стихійной эволюціей, отказаться отъ исканія личныхъ радостей, хотя-бы и въ формѣ самыхъ тонкихъ духовныхъ наслажденій. Никакія разсужденія и убѣжденія не помогутъ человѣку познать оккультный законъ восхожденія, пока въ немъ не сгорѣла часть самости, и онъ не склонился смиренно у Креста, указывающаго путь.

Работа озаренія жизни сознаніемъ начинается, какъ и все — снизу, а не сверху. Сперва человѣкъ признаетъ необходимость физической культуры, затѣмъ интеллек-

туальной и, наконецъ, гораздо позже, — культуры духовной. Вотъ почему истины, ставшія въ настоящее время афоризмами по отношенію къ низшимъ сферамъ дѣятельности человѣка, далеко еще не признаны по отношенію къ высшей области. Весьма недалекимъ считался-бы тотъ ремесленникъ, который сталъ бы ковать желѣзо или шить платье безъ предварительнаго плана работы. Легкомысленнымъ показался-бы намъ художникъ, принявшійся за картину, не выработавъ еще ея сюжета, или ученый, взявшійся за книгу, не зная еще, о чемъ онъ будетъ писать. Но какъ только поднимается вопросъ о духовномъ творчествѣ, о перестройкѣ своего внутренняго міра и отсюда всѣхъ своихъ отношеній къ міру внѣшнему, современный человѣкъ проявляетъ полный анархизмъ мысли, то отрицаніе какого-бы то ни-было плана, которое явно свидѣтельствуетъ о глубокомъ непониманіи законовъ эволюціи. Только тотъ, кто идетъ еще путемъ стихійной эволюціи, можетъ обходиться безъ плана жизни, точно также какъ дикарь обходится безъ всякой культуры. Но какъ только въ человѣкѣ просыпается жажда духовной жизни, какъ только онъ вступаетъ на высшую ступень и оглядывается на прошлое, ему открывается необходимость сознательнаго строительства жизни, и онъ смѣло принимается за него, не отрывая взора отъ озарившаго его идеала. Трудъ очищенія становится категорическимъ императивомъ, потому что онъ уже сдѣлался закономъ жизни выросшаго строителя. Но для человѣка, исполненнаго еще исканія личныхъ радостей, хотя-бы и самыхъ тонкихъ, такой трудъ представляется страшнымъ насиліемъ надъ личностью, скучной регламентаціей движеній, которыя онъ столько вѣковъ привыкъ дѣлать непроизвольно, по своему желанію и настроенію. Это тонкій и красивый

соблазнъ многихъ страстныхъ и богато одаренныхъ душъ, которымъ гордость и духовная лѣнь мѣшаютъ начинать работу сначала. Искушеніе представляется въ заманчивой мысли: „этотъ медленный и скучный путь не для меня; онъ слишкомъ простъ, слишкомъ элементаренъ. Развѣ нельзя однимъ могучимъ взмахомъ крыльевъ миновать всѣ эти скучныя ступени, однимъ порывомъ воли и небеснаго вдохновенія взлетѣть на вершины? Надо только узнать магическій пріемъ, какъ это сдѣлать, какъ сразу сжечь безъ остатка все, что мѣшаетъ, и, освободившись отъ этого балласта, полетѣть прямо къ Богу“... Чувствуя въ себѣ богатыя силы, человѣкъ думаетъ, что путь его особый, не такой, какъ у всѣхъ. Онъ мнитъ, что всѣ требованія высшей этики ему давнымъ давно извѣстны; но знаніе не есть одно мертвое запоминаніе слышаннаго и прочитаннаго, годами безъ движенія сложенное въ памяти, какъ матеріалъ, тлѣющій въ кладовой: *знаніемъ можетъ называться только то, что прошло черезъ огненный опытъ души,* соприкоснулось съ глубинами духа, прошло черезъ чувство и волю человѣка. Только такое знаніе есть живое, настоящее знаніе и оно одно имѣетъ право называться таковымъ, потому что *творитъ новую жизнь.* Знаніе, не вложенное въ жизнь, есть знаніе мертвое. Такимъ мертвымъ знаніемъ обладаетъ человѣкъ, читающій Нагорную Проповѣдь и всей своей жизнью нарушающій законъ любви. Онъ увѣренъ, что знаетъ Евангеліе, и что онъ въ немъ не найдетъ ничего новаго для себя. Умѣя читать еще только слова, онъ воображаетъ, что знаетъ ученіе Христа. Ему и въ голову не приходитъ, что Евангеліе нужно *научиться* читать, что къ чтенію его надо подходить съ чистымъ сердцемъ, и что помимо прямого смысла своего — Евангеліе имѣетъ

еще иной смыслъ, глубоко эзотерическій, который открывается просвѣтленнымъ. Всѣ Св.-Писанія имѣютъ нѣсколько печатей: духовнымъ подвигомъ человѣкъ находитъ ключъ къ нимъ. Теософическія книги, посвященныя сокровенному зодчеству, также имѣютъ нѣсколько ключей: умственный, душевный и духовный. Человѣкъ, не готовый еще къ углубленной внутренней работѣ, прочитаетъ въ нихъ лишь рядъ полезныхъ указаній для внѣшняго порядка жизни. Болѣе вдумчивый читатель будетъ очарованъ тонкой поэзіей вдохновенныхъ очерковъ и почувствуетъ ихъ глубокій символизмъ. Духовно зрѣлый человѣкъ соприкоснется съ пламеннымъ духомъ опередившаго насъ зодчаго, который уже поднялся на вершины и съ любовью насъ зоветъ на вѣрный путь. Въ этомъ огненномъ соприкосновеніи родится новое пониманіе жизни и рѣшеніе идти по стопамъ опередившаго. Великій законъ восхожденія, по которому ни одна ступень не минуется, познается во всей своей силѣ и красотѣ, и человѣкъ, принявшій его, радостно говоритъ: „Не такъ, какъ я хочу, а какъ ты хочешь, Отче... Да будетъ воля Твоя!“

Вотъ почему книгу „Преддверье“ А. Безантъ нельзя читать одними *плотскими* и душевными *очами*. Умѣющій проникать въ ея глубины найдетъ въ ней безцѣнныя указанія къ строительству своей жизни и къ подготовленію себя къ Высшему Пути. Неустанно слѣдуя за этими указаніями и вдумываясь въ нихъ, жаждущій Высшей жизни найдетъ путь, на которомъ одни врата за другими будутъ раскрываться передъ нимъ, пока онъ не подойдетъ къ порогу самого Храма. Ибо сказано: „Когда ученикъ готовъ, Учитель всегда готовъ. Онъ не можетъ не видѣть его, потому что ученикъ зажегъ свой свѣтильникъ“.

Alba.

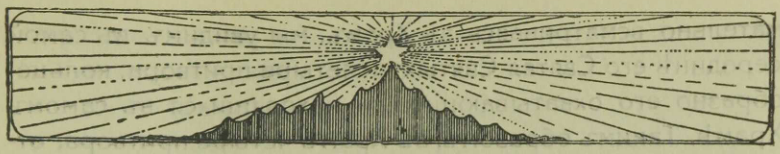
Предисловіе ко второму и третьему изданію.

Выпуская въ свѣтъ третье изданіе „Въ Преддверіи Храма“, А. Безантъ, не могу не выразить радости, что 1-ое и 2-ое изданія ея сравнительно скоро разошлись, такъ какъ это указываетъ на несомнѣнный ростъ духовныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ. Изъ всѣхъ книгъ, входящихъ въ сокровищницу богатой теософической литературы, это, можетъ быть, наиболѣе драгоцѣнная, ибо она является поистинѣ практическимъ руководствомъ для того, кто мечтаетъ подготовить себя къ высшей жизни. Главная задача Теософіи — это воспитаніе новаго человѣка, воспитаніе человѣка могучей воли чистыхъ эмоцій и благородныхъ стремленій, а для такой важной работы мало вдохновенія, необходимо руководство. Въ предисловіи къ первому изданію выяснено значеніе стройнаго труда самовоспитанія, а также и оккультная сторона его. Прибавлю къ высказаннымъ уже мною мыслямъ, что никогда можетъ быть общество такъ не нуждалось еще въ строго выработанномъ планѣ самовоспитанія, вся атмосфера наполнена страстными исканіями и чаяніемъ новаго дня, а взяться за дѣло еще почти никто не умѣетъ. Пусть же эта книжка, которую выпускаемъ съ такой любовью и надеждой, поможетъ искренно ищущимъ поставить вѣхи на пути созиданія

„новаго человѣка“, и пусть прекрасный образъ той, которая міру дала эту книжку, вдохновитъ его на этотъ трудъ міровой важности!

Изданіе тщательно пересмотрѣнно и исправлено.

А. Каменская (Alba).



Въ Преддверіи Храма.

Глава I.

Очищеніе.

Если бы мы могли мысленно встать на такое мѣсто, съ котораго можно было бы обозрѣть теченіе всей эволюцій и изучить исторію нашей цѣпи міровъ не такъ, какъ они представляются намъ въ воображеніи, а такими, какими они являются въ своей дѣйствительности, глядя на эти развивающіеся міры и на это развивающееся человѣчество, можно было бы все это изобразить въ картинѣ. Мы бы увидѣли въ пространствѣ возвышающуюся большую гору, а кругомъ горы до самой вершины вьющуюся тропу. Эта тропа огибаетъ семь разъ гору и на каждомъ поворотѣ тропы привалъ, гдѣ путники могутъ отдохнуть отъ усталости. Дорога поднимается спиралью все выше и выше, до самой вершины, гдѣ стоитъ Храмъ изъ бѣлаго мрамора: онъ ярко сверкаетъ на фонѣ голубого эфира. Этотъ Храмъ—цѣль пути, и тѣ, кто вошли въ него, закончили свое горнее странствованіе и остаются тамъ лишь для того, чтобы помочь тѣмъ, кто все еще поднимается. Вни-

мательно всматриваясь въ Храмъ, мы увидимъ въ самой серединѣ его Святая Святыхъ и четыре притвора, кольцеобразно его охватывающихъ и находящихся въ самомъ Храмѣ. Такимъ образомъ, въ Храмѣ четыре притвора, отдѣленныхъ другъ отъ друга стѣной и въ каждой по одной двери. Путникъ, желающій проникнуть въ Святая Святыхъ, долженъ послѣдовательно пройти черезъ эти четыре двери. Кромѣ того, кругомъ Храма тянется внѣшняя ограда, вмѣщающая значительно больше народа, чѣмъ самъ Храмъ. Храмъ, его ограды и вьющаяся вокругъ горы тропа составляютъ картину человѣческой эволюціи: это путь, по которому оно идетъ; цѣль его достигнуть Храма. По горной дорогѣ, шагъ за шагомъ, медленно поднимается человѣческая толпа, такъ медленно, что движеніе ея едва замѣтно. Это вѣками совершающееся движеніе кажется такимъ медленнымъ, утомительнымъ и тяжелымъ, что удивляешься терпѣнію и мужеству странниковъ. Милліоны лѣтъ проходятъ въ пути, милліоны лѣтъ странникъ неустанно поднимается въ гору, и въ теченіе этихъ вѣковъ путникъ переживаетъ безконечное число жизней и продолжаетъ — шагъ за шагомъ — двигаться впередъ. Глядя на всѣхъ этихъ безчисленныхъ путниковъ, невольно спрашиваешь себя: „Отчего они идутъ такъ медленно? Зачѣмъ всѣ эти милліоны людей совершаютъ такой длинный путь? Зачѣмъ они всѣ такъ стремятся къ тому Храму, что стоитъ на вершинѣ горы?“

Глядя на нихъ, невольно приходитъ на мысль, что они оттого идутъ такъ медленно, что не видятъ своей цѣли и не сознаютъ направленія, по которому двигаются. Путники постоянно сбиваются съ пути, увлекаясь то въ одну, то въ другую сторону; они не идутъ прямо по дорогѣ, какъ люди, сознательно стремящіеся къ цѣли,

а разсыпаются во всѣ стороны, какъ дѣти, бѣгающіе за цвѣтами и за бабочками.

Время какъ будто проходитъ даромъ, и, когда ночь наступаетъ, кажется, что путники очень мало подвинулись впередъ. И болѣе развитые не на много опережаютъ другихъ; неразвитые же засыпаютъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они толпились весь день, и гдѣ ихъ застала ночь. Томительно смотрѣть на это страшно медленное шествіе людей, и невольно спрашиваешь себя: „почему же они не поднимаютъ глазъ и не пытаются понять направленіе, по которому имъ надо идти?“

А между тѣмъ, къ Преддверію Храма, котораго достигаютъ передовые отряды путниковъ, ведетъ не одна только спиральная дорога; со многихъ ея точекъ поднимаются тропинки, ведущія прямо вверхъ, по которымъ сильные и мужественные путники могутъ подняться, если у нихъ хватитъ смѣлости и силы. Первый шагъ по прямому пути къ Преддверію Храма путникъ дѣлаетъ тогда, когда его душа, милліоны лѣтъ стихійно поднимавшаяся по спиральной дорогѣ, понимаетъ, что его путь имѣетъ цѣль: онъ впервые поднимаетъ глаза и на мгновеніе видитъ вершину, озаренную свѣтлыми лучами, исходящими отъ бѣлаго Храма. Отъ времени до времени, оторвавшись отъ бабочекъ и цвѣтовъ, тотъ или иной путникъ внезапно замѣчаетъ этотъ свѣтъ; онъ поднимаетъ взоръ и на мгновеніе видитъ Храмъ. Послѣ этого молніеноснаго откровенія онъ больше никогда уже не останется тѣмъ, чѣмъ былъ: онъ видѣлъ цѣль и конецъ пути; онъ видѣлъ вершину и ту крутую, отвѣсную тропу, которая ведетъ прямо къ сіяющему Храму. Въ эту минуту озаренія, когда путникъ видитъ, что вмѣсто того, чтобы столько разъ огибать гору по спиральной дорогѣ, можно подняться быстрѣе къ вершинѣ, онъ по-

нимаетъ, что крутая тропа имѣетъ цѣлью Служеніе, и что вступающіе на нее должны пройти черезъ врата, надъ которыми сверкаетъ золотая надпись: „Служеніе человѣчеству“. Онъ понимаетъ, что ему необходимо надо пройти черезъ эти врата, чтобы достигнуть Преддверія Храма, сознать, что цѣль жизни *служеніе*, а не эгоистическое исканіе себя, и понять, что единственный способъ подниматься быстрѣе, это спѣшить въ Храмъ, дабы изъ Храма послать помощь отставшимъ. На мгновеніе только сверкнулъ передъ душой яркій лучъ свѣта, сверкнулъ и потухъ, ибо по вьющейся дорогѣ разсыпано много привлекательныхъ предметовъ, которые невольно притягиваютъ къ себѣ, но разъ душа уже видѣла свѣтъ, разъ она уже была озарена сознаніемъ конечной цѣли и долга служенія, то въ ней навсегда останется стремленіе ступить на крутую тропу и найти прямой путь къ Преддверію Храма.

Послѣ этого перваго видѣнія душа озаряется снова и снова свѣтомъ, и каждый новый лучъ разгорается ярче предшествовавшаго. Тѣ, кто хоть на одно мгновеніе сознали цѣль и смыслъ жизни, начинаютъ подниматься съ большею увѣренностью. Они все еще идутъ по спиральной дорогѣ, но они все болѣе и болѣе проявляютъ тѣ свойства, которыя мы называемъ добродѣтелями; все болѣе и болѣе углубляются они въ религіозное настроеніе, которое выясняетъ имъ, какъ достигнуть Храма. Души, сознавшія возможный конецъ пути и чувствующія влеченіе къ крутой тропѣ, отличаются отъ своихъ товарищей своей способностью терпѣть и преодолѣвать; онѣ идутъ въ первыхъ рядахъ и какъ бы ведутъ за собой остальную толпу странниковъ. Они идутъ скорѣе, потому что видятъ цѣль впереди, знаютъ направленіе и пытаются осмыслить свою жизнь. Не вполъ-

нѣ ясно сознавая конечную цѣль, они тѣмъ не менѣе уже не кидаются безцѣльно изъ стороны въ сторону, не дѣлаютъ болѣе то шагъ впередъ, то шагъ назадъ: они упорно поднимаются по спиральной дорогѣ и съ каждымъ днемъ идутъ все быстрѣе и быстрѣе; озаренные желаніемъ помочь своимъ братьямъ, они понемногу обгоняютъ толпу. Такимъ образомъ, они скорѣе поднимаются къ вершинѣ, хотя все еще идутъ по спиральной дорогѣ; они начинаютъ воспитывать себя, и въ то же время они пытаются помочь товарищамъ по пути, простирая имъ руку помощи и увлекая ихъ быстрѣе впередъ. И тогда передъ ними встаетъ прекрасное, но нѣсколько суровое видѣніе, которое говоритъ имъ о возможности болѣе краткаго пути. Оно являетъ собою Знаніе. Религія и Служеніе — его родныя сестры; втроемъ они ведутъ душу къ той свѣтлой зарѣ, которая прольетъ въ нее свѣтъ полнаго пониманія и туманныя мечты замѣнитъ ясно-сознанной цѣлью. Въ эту минуту святого озаренія, когда душа признаетъ служеніе закономъ своей жизни, изъ глубины ея вырывается обѣтъ служить беззавѣтно человѣчеству; этотъ первый обѣтъ, хотя онъ произносится еще и не вполнѣ сознательно, полонъ глубокаго значенія. Въ Писаніи говорится про одного изъ тѣхъ, которые ранѣе всѣхъ поднялись по крутой тропѣ, про того, кто шелъ такъ быстро, что оставилъ все человѣчество позади себя, — прошли вѣка, и его стали звать Буддой — говорится, что онъ „исполнялъ свой обѣтъ изъ вѣка въ вѣкъ“, ибо совершенство, которымъ онъ озарилъ міръ, вылилось изъ его сокровеннаго обѣта служить міру. Такой обѣтъ связываетъ невидимыми нитями душу съ тѣми, кто опередилъ ее, и приводитъ къ Тропѣ Испытанія, тропѣ, ведущей черезъ Преддверіе прямо къ вратамъ Храма. Наконецъ, послѣ

многихъ жизней, полныхъ стремленій и труда, душа, сдѣлавшись чище, благороднѣе и мудрѣе, обнаруживаетъ выросшую сильную волю; эта воля говоритъ уже не шепотомъ, навѣяннымъ прекрасной мечтой, а словомъ рѣшительнымъ и властнымъ, требующимъ отвѣта: душа стучится у входа къ внѣшней оградѣ; она стучится съ полнымъ пониманіемъ трудности и размѣра задачи, которую беретъ на себя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ непоколебимой рѣшимостью довести свой подвигъ до конца. Эта смѣлая душа рѣшила выдвинуться изъ толпы, которой предстоитъ еще въ теченіе милліоновъ лѣтъ подниматься по спиральной дорогѣ; въ нѣсколько человѣческихъ жизней она хочетъ добраться до вершины горы по той крутой, отвѣсной тропѣ, которая прямо ведетъ въ Святая Святыхъ; въ нѣсколько человѣческихъ жизней она хочетъ сдѣлать то, что человѣчество совершитъ черезъ миріады лѣтъ; она беретъ на себя такую работу, которую умъ можетъ не выдержать, такой могучій трудъ, что душа не могла бы предпринять его, не сознавъ уже свои скрытыя силы и свою божественность. Это трудъ, достойный божества; выполненіе его указываетъ на то, что въ человѣческомъ образѣ растетъ и совершенствуется сила божественная.

Итакъ душа стучится, врата раскрываются, и она проникаетъ во внѣшнюю ограду Храма. Шагъ за шагомъ подвигается она и доходитъ до Преддверія Храма (всѣхъ вратъ четыре и каждыя врата символизируютъ одно изъ великихъ Посвященій). Войти можетъ только та душа, которая навсегда отдалась Вѣчному и утеряла интересъ къ вещамъ преходящимъ, ибо когда душа уже вступила въ Храмъ, она болѣе не выходитъ изъ него никогда; разъ она уже проникла внутрь ограды, ведущей въ Святая Святыхъ, она болѣе не можетъ вер-

нуться въ прежнюю жизнь; она избрала свой жребій на всѣ грядущія времена, она вступила въ святилище, туда, — откуда нѣтъ возврата. Первое великое посвященіе совершается въ самомъ Храмѣ. Но луша, о которой идетъ рѣчь, только еще готовится подняться по семи ступенямъ къ первымъ вратамъ, чтобы здѣсь, у Преддверья Храма, на порогѣ, ждать разрѣшенія войти. Какова же будетъ ея работа въ Преддверіи? Какую жизнь будетъ она вести, чтобы удостоиться постучаться въ Храмъ? Я хорошо знаю, братья и сестры мои, что въ описаніи Преддверія, многое можетъ показаться непривлекательнымъ и даже отталкивающимъ. Трудно найти дорогу къ Преддверію; трудно жить той религіозной жизнью, полной подвиговъ, которая даетъ возможность душѣ постучаться у первыхъ вратъ Храма, и тѣ, кто входятъ въ Преддверіе, доказываютъ этимъ, что они сдѣлали уже большую работу въ прошломъ; жизнь въ этой оградѣ покажется мало привлекательной тѣмъ, которые еще не признали и не поняли смысла и цѣли жизни, ибо, помните, что въ Преддверіе вступили только тѣ, которые посвятили себя навсегда служенію: они отдали все, не прося взамѣнъ ничего, кромѣ радости служить; они вполнѣ поняли измѣнчивость всего земного и отдались беззавѣтно своей высокой задачѣ; они оставили навсегда цвѣты и радости широкой горней тропы и твердо рѣшили подниматься прямо къ вершинѣ, чего бы это имъ ни стоило. Страшное напряженіе и сильная борьба ожидаютъ безстрашнаго путника, ибо здѣсь многое должно быть исполнено въ короткій срокъ.

Эту работу можно для большей ясности расчленить, но различные отдѣлы не составляютъ послѣдовательныхъ ступеней, работа въ нихъ совершается параллельно. Отдѣлы именуются: „Очищеніе“, „Контроль

мысли", „Созиданіе характера", „Духовная Алхимія" и „На порогѣ". Надъ всѣмъ этимъ душа должна работать одновременно въ теченіе всѣхъ тѣхъ жизней, которыя она проводитъ въ Преддверіи; прежде чѣмъ она дерзнетъ подойти къ вратамъ самого Храма, она должна научиться хоть отчасти совершать эту работу: въ совершенствѣ работа будетъ исполнена только въ Святая Святыхъ.

Часть этой работы состоитъ въ самоочищеніи, въ очищеніи низшей природы такъ, чтобы каждая часть ея вибрировала въ полной гармоніи съ высшей, чтобы очистилось все, что принадлежитъ къ преходящей природѣ человѣка, тому, что мы назвали личностью, что не заключаетъ въ себѣ постоянной индивидуальности, а есть лишь собраніе тѣхъ качествъ и характерныхъ чертъ, которыя человѣкъ собираетъ въ теченіе каждой изъ своихъ многочисленныхъ жизней. Это — тѣ внѣшніе качества и аттрибуты, въ которые, какъ въ одежду, облекается Душа, и которые часто сопровождаютъ ее изъ жизни въ жизнь; изъ всего того, что она вырабатываетъ въ теченіе своего земного существованія, она выбираетъ лучшее и складываетъ въ сокровищницу своего растущаго вѣчнаго „я". Въ теософической литературѣ есть выраженіе, прекрасно рисующее настроеніе Души, которая добровольно вступила въ Преддверіе и видитъ весь предстоящій ей трудъ. Это выраженіе: „отдать себя Своему Высшему Я". Слова эти полны глубокаго значенія; они означаютъ твердое рѣшеніе отбросить все, что временно и что принадлежитъ къ низшей личности, во имя служенія высшему, рѣшеніе посвятить всю земную жизнь на собираніе матеріала, нужнаго для роста высшаго начала, истинной человѣческой сути, той растущей индивидуальности,

которая пребываетъ надъ каждой проявляющейся личностью. Отдать себя „Высшему я“, для низшаго „я“ означаетъ перестать жить для себя и начать служить вѣчному. Вся работа, которая выполняется въ Преддверіи, совершается ради того великаго истиннаго „Я“, жизнь котораго все расширяется по мѣрѣ того, какъ идетъ самоотверженное служеніе вѣстника (личности), посланнаго имъ во внѣшній міръ.

Въ одной изъ великихъ Упанишадъ сказано, что если человѣкъ пожелаетъ обрѣсти свою душу, онъ долженъ прежде всего отказаться отъ „дурныхъ путей“, но душа уже сдѣлала это до своего вступленія въ Преддверіе, ибо тѣ, кто вошли, не подвержены болѣе обыденнымъ соблазнамъ земной жизни: они переросли ихъ; въ томъ воплощеніи, въ которомъ они вступили за внѣшнюю ограду, они давно отказались отъ дурныхъ путей и не могутъ уже находить въ нихъ удовольствіе. Они могутъ случайно сбиться съ правой дороги и поскользнуться, но сознательно оставаться на ложномъ пути для нихъ уже невозможно. Они могутъ ошибиться въ выборѣ дороги; еще несовершенная въ своемъ опытѣ совѣсть можетъ ихъ невѣрно направить даже и тогда, когда они стоятъ въ Преддверіи, но ихъ совѣсть не перестаетъ страстно искать праваго пути. Противъ голоса совѣсти низшая природа безсильна; человѣкъ, низшая природа котораго способна идти противъ совѣсти, еще не готовъ переступить за ограду; вступившій въ Преддверіе разъ навсегда выбралъ путь добра; сознательно онъ не можетъ отъ него отходить. Въ предыдущихъ воплощеніяхъ онъ уже много потрудился; теперь онъ стремится совершить наивысшее, что доступно его сознанію. За оградой ему придется имѣть дѣло съ болѣе утонченнымъ соблазномъ, чѣмъ во внѣшнемъ мірѣ, съ

тѣми тонкими и сильными искушеніями, которыя овладѣваютъ душой, когда ей приходится жить ускореннымъ темпомъ. Она не можетъ тратить время на продолжительную борьбу съ соблазномъ и на медленное созиданіе добродѣтели, она должна спѣшить подниматься по крутой тропѣ.

Прежде всего на нее нахлынутъ затрудненія и искушенія изъ области эгоистическаго сознанія: соблазнъ вознестись надъ всѣми, возгордиться, и соблазнъ скрыть, сохранить для себя обрѣтенное. Честолюбіе, гордость, алчность побудятъ ее воздвигнуть стѣну между собой и тѣми, кто стоитъ ступенью ниже; жадно будетъ она искать знанія, такого, которое она можетъ употребить противъ міра, а не въ пользу его. И *этотъ* соблазнъ облекается въ любовь къ знанію ради знанія и въ любовь къ истинѣ ради истины; позже, когда душа прозрѣваетъ, она видитъ что въ основѣ казавшагося ей столь высокаго стремленія лежало желаніе выдѣлиться и обладать тѣмъ, чего другіе не имѣютъ. Это гордое желаніе выдѣлиться, желаніе расти и достигнутъ обладанія — одна изъ самыхъ большихъ опасностей для растущей души, опасность, которая можетъ явиться ей и за оградой. И знанія и власти она пожелаетъ не только во имя служенія, но и потому, что они расширяютъ сознаніе; и вотъ воздвигается стѣна, чтобы удержать обрѣтенное. Когда душа пойметъ, что честолюбіе, гордость и отчужденіе отъ братьевъ своихъ задерживаютъ ее на пути къ лучезарнымъ вратамъ, она начнетъ горячую работу очищенія: при свѣтѣ лучей, исходящихъ изъ Храма, она разсмотритъ всѣ мотивы своихъ поступковъ и приступитъ къ суровому изученію самой себя; этотъ свѣтъ такъ чистъ и такъ ярокъ, что тѣни темнѣютъ, а предметы, казавшіеся свѣтлыми, меркнутъ

въ его сіяніи. Душа сознаетъ, что природа желаній, которая такъ тонко переплетается съ умственной жизнью, должна очиститься отъ всего личнаго, и она радостно берется за борьбу съ личными стремленіями и со всѣмъ тѣмъ, что раздѣляетъ ее какъ отъ ниже стоящихъ, такъ и отъ стоящихъ ступенью выше ея. Душа понимаетъ, что врата Храма открываются только для того, кто разрушаетъ стѣны, отдѣляющія его отъ братьевъ, и одновременно падаютъ какъ бы по волшебству и стѣны, отдѣляющія ее отъ тѣхъ, что впереди. Путь къ Храму открывается лишь тому, кто сумѣлъ разрушить стѣны своей собственной природы и готовъ обрѣтеннымъ подѣлиться со всѣми.

Такимъ образомъ начинается трудъ очищенія: человѣкъ беретъ въ руки свое „я“ и начинаетъ изгонять изъ него все эгоистичное. Какъ же онъ этого достигаетъ? Онъ не долженъ ничего разрушать, ибо все собранное имъ есть тотъ опытъ, который строилъ способности и превратилъ ихъ въ силу; вся эта накопившаяся на эволюціонномъ пути сила нужна ему теперь, но только не въ грубомъ, а въ очищенномъ видѣ. Какъ же онъ ее очиститъ? Легче всего было бы просто убить въ себѣ нѣкоторыя свойства; гораздо легче было бы вырвать ихъ, чѣмъ работать надъ ними, вырвать и освободиться отъ нихъ разъ навсегда. Но этого сдѣлать нельзя, ибо на порогѣ Храма онъ долженъ принести въ жертву все, что собралъ въ прошломъ и что превратилъ въ силу и въ способность; съ пустыми руками войти онъ не можетъ: онъ долженъ взять съ собой все собранное имъ на пути и, не уничтожая его, долженъ совершить гораздо болѣе тяжелый трудъ, трудъ очищенія. Отбросивъ все личное, онъ долженъ сохранить все существенное. Все, что онъ позналъ какъ добро и зло,

все это вошло въ собранный имъ опытъ; всѣ его свойства суть плоды его усилій и стремленій; отбросивъ всѣ примѣси, онъ долженъ существенное, превращенное въ чистое червонное золото, возложить на алтарь.

Возьмемъ одно или два изъ этихъ качествъ, и мы ясно поймемъ, въ чемъ состоитъ трудъ очищенія.

Начнемъ съ той могучей силы, которая находится въ каждомъ человѣческомъ существѣ; эту силу человѣкъ развиваетъ на низшихъ ступеняхъ своего развитія, она сопровождаетъ его на всемъ пути. На низшихъ ступеняхъ мы ее знаемъ, — какъ гнѣвъ, какъ злобу. Посредствомъ этой силы человѣкъ прокладываетъ себѣ дорогу въ мірѣ, борется и часто преодолѣваетъ всѣ препятствія. Пока человѣкъ не научился ею управлять и владѣть, эта страшная энергія дѣйствуетъ въ мірѣ какъ сила разрушительная, потому что она не дисциплинирована, тѣмъ не менѣе она цѣнна, потому что она — сила. Еще до своего вступленія за внѣшнюю ограду, человѣкъ уже измѣнилъ эту душевную энергію и превратилъ ее въ добродѣтель; тогда она стала именоваться благороднымъ негодованіемъ, страстью и ненавистью ко всему несправедливому, дурному, низкому и жестокому, и въ этой новой формѣ она сослужила хорошую службу міру. При видѣ жестокаго отношенія къ слабому, человѣкъ разражался гнѣвомъ; при видѣ несправедливости, онъ негодовалъ и возставалъ противъ нея и, такимъ образомъ, онъ постепенно очищалъ свой гнѣвъ отъ многихъ примѣсей; въ прежнихъ жизняхъ онъ гнѣвался за себя, онъ возмущался, когда его лично оскорбляли и платилъ ударомъ за ударъ, но задолго до вступленія въ Преддверіе онъ научился побѣждать въ себѣ звѣря и давно уже пересталъ платить зломъ за зло и ненавистью за ненависть. Очистивъ гнѣвъ отъ элемента личнаго, онъ

сталъ негодовать не тогда, когда его оскорбляли, а когда на его глазахъ обижали кого-либо другого; не столько свои, сколько чужія страданія стали вызывать въ немъ протестъ. При видѣ жестокости по отношенію къ существу слабому и беззащитному, онъ бросался на обидчика и спасалъ слабаго отъ насилія. Такимъ образомъ, онъ пользовался высшими эмоціями для того, чтобы овладѣть низшими; благородно направленная страстность поработила его животную природу; онъ пересталъ гнѣваться за себя и негодовалъ лишь за тѣхъ, кому желалъ помочь. Онъ давно призналъ служеніе своимъ долгомъ; одинъ же изъ способовъ служенія въ мірѣ — борьба съ угнетателями. Онъ сражался за слабыхъ и обездоленныхъ, онъ горячо возставалъ противъ зла и неправды и совершалъ въ мірѣ работу героя. Но въ тихой атмосферѣ Преддверія, въ свѣтѣ исходящихъ изъ Святая Святыхъ лучей совершеннаго состраданія, нѣтъ мѣста для гнѣва, даже если гнѣвъ и очищенъ отъ личнаго раздраженія. Ученикъ долженъ научиться понимать, что тѣ, которые творятъ зло — также его братья, и что, совершивъ зло, они страдаютъ больше, чѣмъ терпящіе отъ нихъ обиду; онъ начинаетъ понимать, что это благородное негодованіе, эта страстная ненависть ко всякой неправдѣ, этотъ безкорыстно пламенѣющій огонь не можетъ быть свойствомъ души, неизмѣнно тяготѣющей къ Богу, ибо Божественная Любовь любитъ всѣхъ дѣтей, которыхъ посылаетъ въ міръ, на какой ступени развитія они бы ни стояли. Божественная Любовь, изъ которой все изошло, не имѣетъ ничего внѣ себя. Она разлита во всей вселенной; она пребываетъ и въ сердцѣ злодѣя и въ сердцѣ святого. Въ Преддверіи человѣкъ долженъ умѣть за скрывающимися покровами видѣть Божественное, ибо

здѣсь духовныя очи должны открыться, и между душой и „я“ другихъ людей не должно быть болѣе стѣнъ; благородное негодованіе должно очиститься отъ гнѣва и превратиться въ одну святую силу помощи всѣмъ; въ своей совершенной чистотѣ она готова помочь и тирану, и рабу, и тому, кто угнетаетъ, и тому, кто угнетенъ, ибо Спасители міра не выбираютъ кому служить. Тѣ, кто желаютъ стать Слугами всѣхъ, не должны никого ненавидѣть. То, что было когда-то гнѣвомъ, — очистившись, превратилось въ покровительство слабымъ, въ безличную борьбу со зломъ, въ совершенную справедливость ко всѣмъ.

То же, что онъ сдѣлалъ съ гнѣвомъ, человѣкъ долженъ сдѣлать и съ любовью. На низшихъ ступеняхъ любовь его проявлялась въ бѣдной, неприглядной и убогой формѣ; она стремилась только къ удовлетворенію себя и мало заботилась о любимомъ существѣ. По мѣрѣ того, какъ душа росла, любовь измѣнялась, она облагораживалась, дѣлалась менѣе эгоистичной и начинала обращаться къ высшимъ сторонамъ любимаго существа; внѣшняя сторона утрачивала свое значеніе, и любовь, нѣкогда чувственная, сдѣлалась чистой и нравственной. Въ Преддверіи она должна еще очиститься; она должна освободиться отъ всякой исключительности. Очищаясь отъ личныхъ примѣсей, расширяясь и все сильнѣе разгораясь, любовь будетъ стремиться не брать, а какъ можно больше давать другимъ. Дѣлаясь все болѣе и болѣе божественной, любовь будетъ устремляться туда, гдѣ нужда сильнѣе, а не туда, гдѣ она можетъ получить больше взамѣнъ.

Въ теченіе этого очистительнаго процесса душа будетъ строго провѣрять себя и, служа человѣчеству, она будетъ постоянно спрашивать себя: нѣтъ-ли чего-

либо личнаго въ ея служеніи? Если окажется, что душевная ея дѣятельность тонко переплетена съ самостью, что она менѣе занята успѣхомъ дѣла, чѣмъ успѣхомъ дѣйствующаго лица; если, потерпѣвъ неудачу и видя успѣхъ другого, она вмѣстѣ съ радостью за успѣхъ дѣла испытаетъ долю разочарованія, она узнаетъ, что въ ея служеніи все еще есть личная примѣсь; если бы она служила совершенно безкорыстно, у нея не было бы и мысли о своемъ участіи въ успѣхѣ дѣла. Если неудача хотя на мигъ затуманила душевную жизнь, лишая обычнаго мира и бодрости, то это ясный признакъ, что работа очищенія еще не закончена, и душевныя очи еще не прозрѣли. Если испытывая и измѣряя свою любовь, душа замѣтитъ въ себѣ легкую дрожь разочарованія при встрѣчѣ съ равнодушіемъ и непониманіемъ, и потокъ любви готовъ податься назадъ и пріостановится, потому что тѣ, кому она даетъ свою любовь, не отвѣчаютъ такой-же любовью, то эта душа, суровая къ себѣ и сострадательная къ другимъ, пойметъ, что въ ея любви есть еще тонкая примѣсь элемента личнаго, что она еще не нашла той высшей радости, которая заключается въ одномъ актѣ даванія. Тогда она снова принимается за трудъ очищенія и снова трудится, пока не научается давать свою любовь безъ единой мысли о наградѣ или отвѣтѣ; ибо воистину она знаетъ, что больше всего потребности въ любви у того, кто мало умѣетъ любить, и что больше всего нуждаются въ ней тѣ души, которыя еще ничего не умѣютъ давать взамѣнъ.

Такъ душа сознательно трудится и растетъ, очищая свою низшую природу неустанными усиліями и неумолимой требовательностью; ибо она никогда себя не сравниваетъ съ тѣми, которые ниже, а съ Тѣми, кто выше; ея очи всегда устремлены на Тѣхъ, кто достигъ

вершины, а не на тѣхъ, что еще только поднимаются къ внѣшней оградѣ. Ни на одно мгновеніе душа не можетъ остановиться, отдохнуть; она не можетъ успокоиться и быть довольной, пока не увидитъ своего приближенія къ Цѣли, пока не почувствуетъ, что перестала противиться святымъ силамъ Свѣта, льющимся на человѣчество изъ Сердца вселенной.

Въ Преддверіи человѣкъ искушается не пороками, а своими добродѣтелями; тонкій соблазнъ является ему въ небесныхъ образахъ, въ формѣ того, что въ немъ есть самого великаго и благороднаго. Благодаря недостатку знанія, добродѣтели обращаются въ искушенія, ибо человѣкъ переросъ ту черту, за которой порокъ могъ бы задѣть или соблазнить его: чтобы ввести его въ искушеніе, порокъ долженъ накинуть на себя маску добродѣтели. Вотъ почему ученикъ дѣлается такимъ суровымъ и требовательнымъ къ себѣ; онъ хорошо знаетъ по своимъ ошибкамъ и по заблужденіямъ своихъ товарищей, что то, что кажется столь труднымъ въ мірѣ, дѣлается легкимъ за оградой; онъ знаетъ также, что врагъ какъ бы похищаетъ у него эти добродѣтели, чтобы обратить ихъ въ искушенія и привести его къ паденію на Пути. Единственное спасеніе для него жить въ свѣтѣ „Высшаго Я“; онъ понимаетъ, что онъ не смѣетъ подойти къ вратамъ Храма, пока этотъ свѣтъ не засіялъ въ немъ самомъ. Ибо какъ ему вступить въ Свѣтъ, передъ которымъ весь здѣшній свѣтъ — тьма? Какъ дерзнуть подойти къ Свѣту, котораго не могутъ выдержать нечистыя очи; при которомъ все, что мы называемъ добродѣтелью, кажется несовершеннымъ и то, что мы называемъ красотой, кажется некрасивымъ? Какъ онъ посмѣетъ войти въ Храмъ, гдѣ душа будетъ стоять обнаженная передъ Учителемъ, какъ она выдер-

житъ Его взоръ, если въ сердцѣ еще пребываетъ нѣчто нечистое, что можетъ оскорбить Его?

И потому то, что было тяжело въ внѣшнемъ мірѣ, дѣлается радостнымъ въ Преддверіи, и очищающее страданіе привѣтствуется, какъ желанное. Господь, Учитель и Покровитель всѣхъ, всегда стоитъ на пылающей землѣ; Его окружаетъ пламя, пожирающее все, къ чему оно прикасается. Въ сердце тѣхъ, кто стоятъ въ Преддверіи, остались скрытые уголки, куда свѣтъ еще не проникъ; передъ входомъ въ Храмъ конечное очищеніе совершается живымъ пламенемъ Самого Господа; это пламя пожираетъ до тла все нечистое, что еще таилось въ уголкахъ сердца ученика. Онъ отдалъ себя Господу безъ остатка; на этой пылающей землѣ передъ самымъ входомъ въ Храмъ горитъ огонь, черезъ который должны пройти всѣ, желающіе войти. За чертой этого огня и въ самомъ пламени виднѣется Господь; отъ Него же рождается это пламя, отъ Его святыхъ ногъ исходитъ очищающая сила его. Когда ученикъ окончательно очищается, онъ переступаетъ врата, которые его на вѣки отдѣлятъ отъ всѣхъ интересовъ низшаго міра; одно лишь стремленіе будетъ жить въ немъ: желаніе служить возрожденію человѣчества. На землѣ не осталось ничего, что могло бы еще привлечь его, ибо онъ узрѣлъ ликъ Своего Господа, и передъ этимъ видѣніемъ потускнѣлъ и потухъ всякій иной свѣтъ.

Глава II.

Контроль мысли.

Въ томъ отдѣлѣ моего предмета, къ которому я приступаю сегодня, можетъ быть обнаружится самое большое различіе, которое существуетъ между точкой зрѣнія средняго вдумчиваго и уравновѣшаннаго человѣка и точкой зрѣнія оккультиста. Мнѣ придется съ самаго начала вести васъ шагъ за шагомъ, чтобы показать вамъ, какъ постепенно мѣняются точки зрѣнія, ибо главное измѣненіе человѣка относится къ его сознанію, къ роли послѣдняго въ его эволюціи, къ функціямъ ума и къ способу, которымъ эти функціи совершаются, и какъ разъ въ этой области сказывается все измѣненіе, совершающееся въ міровоззрѣніи человѣка. Попробуемъ на одну минуту представить себѣ, какимъ образомъ добрый, справедливый и развитой человѣкъ, т. е. не поверхностный и не легкомысленный, а вдумчивый и уравновѣшенный, какъ такой человѣкъ смотритъ на умственную дисциплину. Тотъ, кто сознательно поставилъ передъ собой идеалъ добра, который онъ стремится осуществить, и извѣстный долгъ, который онъ старается выполнить, тотъ признаетъ, что то, что мы называемъ своей низшей природой, должно быть покорено и направлено къ добру. Это для него внѣ

всякого сомнѣнія. Вдумчивый человѣкъ непремѣнно скажетъ, что страсти и аппетиты тѣла, низшія эмоціи, стихійно увлекающія легкомысленныхъ людей, что вся эта сторона человѣческой природы, которая возбуждается извнѣ и вызываетъ въ немъ непродуманные поступки, должна быть подъ его контролемъ. Онъ назоветъ это своей низшей природой и заставитъ ее повиноваться высшей природѣ. При тщательномъ анализѣ окажется, что то, что мы обыкновенно называемъ самообладаніемъ, и есть этотъ контроль надъ низшей природой, т. е. господство ума надъ желаніями. Больше того: при дальнѣйшемъ анализѣ мы увидимъ, что, говоря о сильной волѣ, о сильномъ характерѣ человѣка, дѣйствующаго при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ по опредѣленно выработанному плану, мы имѣемъ въ виду человѣка, широко развитого, который въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ руководствуется не внѣшними обстоятельствами, не окружающими его соблазнами, на которые отвѣчаетъ его животная природа, а той суммой накопившагося опыта, которая именуется памятью. Эта память прошлаго есть слѣдъ, оставленный переживаніями, надъ которыми умъ работаетъ, которыя онъ сгруппировалъ, сопоставилъ, и изъ которыхъ онъ сдѣлалъ путемъ интеллектуальнаго и логическаго усилія опредѣленные выводы. Этотъ выводъ остается въ умѣ, какъ правило поведенія, и, когда такой человѣкъ находится въ трудныхъ условіяхъ, въ такихъ условіяхъ, которыя совершенно подавляютъ слабую волю и сбиваютъ съ пути обыкновеннаго человѣка, то этотъ болѣе сильный и болѣе развитой умъ руководится въ своемъ поведеніи тѣми правилами, которыя онъ выработалъ въ свои спокойныя минуты, когда его низшая природа не была возбуждена и не была окружена соблазнами; онъ не

позволяетъ импульсамъ минуты сбить себя съ намѣченнаго пути.

Имѣя дѣло съ такимъ человѣкомъ, вы часто можете предвидѣть, что онъ будетъ дѣлать; вы знаете принципы, на которыхъ основано его поведеніе; вы знаете преобладающія линіи его мысли и его сильный, опредѣленный характеръ, и вы совершенно увѣрены, что какіе-бы ни были внѣшніе соблазны, въ часъ борьбы этотъ человѣкъ осуществитъ идеалъ, который онъ поставилъ передъ собой въ минуту спокойнаго размышленія. Это мы и имѣемъ въ виду, говоря о человѣкѣ съ самообладаніемъ. Такой человѣкъ достигъ уже довольно высокой ступени развитія: онъ сознательно стремится къ полному господству надъ своей низшей природой; при самомъ большомъ возбужденіи извнѣ, душа его способна устоять противъ неожиданнаго соблазна, и онъ поступаетъ благородно, какъ-бы ни было велико искушеніе поступить низко.

Мы взяли, какъ примѣръ, человѣка съ сильнымъ характеромъ, съ яснымъ мышленіемъ, съ разумнымъ отношеніемъ къ жизни, который не поддается, подобно недисциплинированному человѣку, обстоятельствамъ или импульсамъ. Но этотъ человѣкъ можетъ подняться на болѣе высокую ступень. Онъ можетъ придти въ соприкосновеніе съ великой философской системой, напримѣръ, съ Теософическимъ ученіемъ, которое объяснитъ ему работу ума. Почерпнетъ-ли онъ ее изъ древнихъ источниковъ Индіи, Египта, Греціи, или изъ современной европейской литературы, эта философія во всякомъ случаѣ дастъ ему новое воззрѣніе на вселенную и во многомъ измѣнитъ его точку зрѣнія.

Если такой человѣкъ приметъ основныя ученія Теософіи, то онъ пойметъ какъ велико вліяніе его мыслей; онъ пойметъ, что умъ его обладаетъ творческой

силой, и что онъ во время своей работы, буквально, создаетъ опредѣленные мысле-образы и этимъ творческимъ актомъ постоянно населяетъ окружающій его міръ дѣятельными силами, которыя работаютъ на благо или на зло, часто воздѣйствуя на душу и на жизнь такихъ людей, съ которыми онъ уже не приходитъ въ личное соприкосновеніе. Онъ начнетъ понимать, что для такого вліянія на умы, ему не надо непремѣнно выразить свою мысль устнымъ или письменнымъ словомъ; также нѣтъ необходимости, чтобы его мысль облекалась въ дѣйствіе, которое послужило-бы добрымъ или дурнымъ примѣромъ. Онъ можетъ быть совершенно неизвѣстной личностью въ мірѣ и не выступать публично. Онъ можетъ явно вліять на чрезвычайно малый кругъ друзей и родныхъ, приходящихъ съ нимъ въ личное соприкосновеніе, и тѣмъ не менѣе, даже пребывая въ полномъ одиночествѣ, онъ обладаетъ силою, превосходящею силу примѣра или рѣчи: онъ можетъ помогать или вредить міру, онъ можетъ очищать или отравлять умы своего поколѣнія; онъ можетъ содѣйствовать прогрессу или задерживать его; онъ можетъ поднимать людей или тянуть ихъ внизъ и, такимъ образомъ, вліять на духъ своего времени тонкими энергіями мысли, дѣятельными мысле-образами, которые тѣмъ сильнѣе воздѣйствуютъ на міръ, что они невидимы и не признаны людьми. По мѣрѣ того, какъ растетъ знаніе человѣка, мысль обрѣтаетъ для него новое значеніе, онъ понимаетъ отвѣтственность мысли, отвѣтственность, которая возлагается на него только потому, что онъ мыслитъ; онъ понимаетъ, что эта отвѣтственность простирается гораздо дальше, чѣмъ онъ можетъ видѣть. Самымъ реальнымъ образомъ онъ отвѣтственъ и за преступленія и за героическіе подвиги, которые совершаются въ обществѣ; онъ

понимаетъ, что человѣкъ, совершающій то или иное дѣйствіе, не одинъ отвѣчаетъ за свой поступокъ, ибо каждый поступокъ есть проявленіе, настоящее воплощеніе идей, и каждый участвующій въ рожденіи этихъ идей принимаетъ на себя и отвѣтственность за данный поступокъ. Принявъ эту болѣе широкую точку зрѣнія, человѣкъ понимаетъ, что онъ долженъ управлять своими мыслями. Понявъ всю отвѣтственность за свои мысли и, слѣдовательно, за качество этихъ мыслей, онъ начинаетъ замѣчать, что родъ мыслей, которыя онъ притягиваетъ къ себѣ изъ внѣшняго міра, сходны съ тѣми мыслями, которыя онъ самъ рождаетъ. Онъ не только магнитъ, отсылающій токи силы мысли въ предѣлахъ магнитнаго поля, но онъ также магнитъ, привлекающій къ себѣ тѣ субстанціи, которыя отвѣчаютъ на высылаемую имъ магнитую силу; его умъ будетъ полонъ добрыхъ или низкихъ мыслей, смотря по тому направленію, въ которомъ онъ самъ работаетъ. Рождая благую мысль, онъ не только исполняетъ свой долгъ по отношенію къ ближнимъ, но, какъ это всегда бываетъ, если человѣкъ въ гармоніи съ божественнымъ закономъ, онъ самъ выигрываетъ отъ того, что даетъ. Въ каждомъ случаѣ, когда онъ посылаетъ въ міръ благородную мысль, онъ создаетъ въ себѣ центръ, къ которому другія благородныя мысли сами собой притекаютъ какъ-бы по магнитическому сродству, и умъ его получаетъ помощь и укрѣпленіе. Съ болью и со стыдомъ онъ долженъ признать, что, пославъ въ міръ нечистую мысль, онъ въ своемъ сознаніи создалъ подобный-же нечистый центръ, который привлечетъ витающія въ атмосферѣ низкія мысли и увеличитъ его склонность ко злу подобно тому, какъ благородныя мысли увеличиваютъ его склонность къ добру.

Признавъ эту связующую насъ общность мысли, онъ измѣнитъ свое внутреннее настроеніе, почувствуетъ всю свою отвѣтственность за то, что онъ даетъ и принимаетъ въ себя, признаетъ тѣ нити, которыя по всѣмъ направленіямъ тянутся отъ него и къ нему; онъ признаетъ въ своей ежедневной жизни необходимость постоянно считаться съ мыслями и пойметъ, что въ сферѣ невидимаго рождаются всѣ тѣ силы, которыя проявляются въ психической и физической жизни. Но когда онъ вступаетъ въ Преддверіе, онъ поднимается еще на одну высшую ступень. Онъ теперь ученикъ, онъ стоитъ на порогѣ той крутой тропы, которая прямо ведетъ кверху, онъ находится на испытаніи передъ вступленіемъ на этотъ путь.

Онъ начинаетъ признавать, что за умомъ находится нѣчто большее, и что это нѣчто находится въ такой же связи съ его умомъ, въ какой умъ находится съ природой желанія. Развиваясь, человѣкъ признаетъ господство ума надъ желаніями; подходя къ порогу Преддверія, онъ признаетъ — и это признаніе открываетъ ему Врата, — что этотъ умъ, который казался ему такимъ великимъ, такимъ могущественнымъ, этотъ умъ, о которомъ одинъ мыслитель сказалъ, что во вселенной ничего нѣтъ болѣе великаго, чѣмъ человѣкъ и ничего болѣе великаго въ человѣкѣ, чѣмъ умъ его – что этотъ умъ стушевывается передъ величіемъ того, что безконечно выше, безконечно шире и что на мгновеніе сверкаетъ подобно молніи и затѣмъ снова скрывается.

Слабо, неясно еще улавливаетъ онъ лучъ свѣта, озарившаго его умъ свыше, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже какъ-то странно предчувствуетъ, что этотъ лучъ — онъ самъ. Вначалѣ онъ смущенъ, онъ какъ бы ищетъ въ темнотѣ, онъ старается понять различіе между этимъ

новымъ свѣтомъ и своимъ умомъ, онъ чувствуетъ, что этотъ свѣтъ — онъ самъ и въ то же время нѣчто большее, чѣмъ онъ. Онъ не знаетъ, откуда пришло это озареніе; было ли оно просто сновидѣніемъ или мечтой.

Но прежде чѣмъ идти дальше, мы должны ясно опредѣлить значеніе словъ „умъ“, „душа“ и „духъ“. Нельзя играть со словами, надо понять всю ихъ цѣнность. Я опредѣляю душу, какъ то, что индивидуализируетъ Міровой Духъ, что сосредоточиваетъ въ одной точкѣ вселенной свѣтъ; сосудъ, въ который изливается духъ такъ, что въ этомъ сосудѣ онъ кажется отдѣльнымъ, — тожественный по существу, но отдѣльный въ проявленіи. Это раздѣленіе совершается для того, чтобы индивидъ могъ развиваться и расти, чтобы въ каждой сферѣ вселенной раскрывались его скрытыя силы, чтобы онъ могъ познавать на физическомъ и психическомъ планахъ такъ же, какъ и на духовномъ безъ перерыва сознанія; онъ долженъ создать себѣ орудія необходимыя для обрѣтенія сознанія въ иныхъ сферахъ и затѣмъ постепенно очистить ихъ такъ, чтобы они не являлись для него препятствіемъ, а превратились бы въ чистые, прозрачные проводники познанія на всѣхъ планахъ. Употребленное слово „пріемникъ“ можетъ ввести въ заблужденіе; это — обычное затрудненіе со всѣми выраженіями, употребляемыми для душевныхъ явленій. Съ одной стороны оно помогаетъ выясненію мысли, съ другой затемняетъ ее. Этотъ процессъ индивидуализаціи не создаетъ сосуда и не заполняетъ его сразу, придавая ему опредѣленныя очертанія; онъ скорѣе аналогиченъ съ образованіемъ солнечной системы. Напрягая свое воображеніе, можно себѣ представить то далекое время, когда не было ничего, кромѣ пространства, и въ пространствѣ ничего не было видно; въ этомъ про-

странствѣ, которое кажется пустотою, но которое въ сущности полно невидимой для глаза полнотой, является легкій туманъ, слишкомъ тонкій, чтобы бытъ названнымъ туманомъ, но представляющіи собой начало сгущенія; понемногу туманъ сгущается и сгущается, уплотняясь и постепенно отдѣляясь отъ окружающаго пространства; изъ легкой тѣни онъ превращается мало-помалу въ болѣе опредѣленный образъ, туманность сгущается и образуетъ систему съ планетами и центральнымъ солнцемъ. Такъ и духъ совершаетъ индивидуализацію: сперва онъ, подобно тѣни, является въ міровой пустотѣ, которая полнѣе всякой полноты, затѣмъ дѣлается туманомъ, образуетъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы и съ теченіемъ эволюціи рождаетъ индивида, душу, тамъ, гдѣ вначалѣ была лишь легкая тѣнь.

Таковъ картинный процессъ образованія индивидуальнаго сознанія, такъ образуется душа въ теченіе эволюціи. Она не есть нѣчто уже готовое, что погружается въ океанъ матеріи; она медленно, медленно создается или сгущается до того момента, пока дѣлается индивидомъ, начинающимъ расти и непрестанно развивающимся съ теченіемъ эволюціи. Эта душа пребываетъ изъ жизни въ жизнь черезъ неисчислимые вѣка. Въ сознаніи этого растущаго индивида сохраняется сознаніе всего того что лежитъ за нимъ въ прошломъ. Душа есть сущность, которая въ нѣкоторыхъ сынахъ человѣческихъ вырастаетъ до необычайнаго могущества. Все, что пережито и накоплено въ прошломъ, хранится въ этомъ расширенномъ сознаніи, которое какъ бы втянуло въ себя всѣ свои жизни и опознало все свое прошлое. При каждомъ новомъ рожденіи, когда собирается новый опытъ, эта извѣчно растущая душа облекаетъ часть себя въ новыя оболочки, чтобы собрать новый опытъ;

и эта часть, которая спускается на низшіе планы, чтобы скопить новое знаніе для роста души, и есть умъ человѣка: это — та часть души, которая работаетъ посредствомъ мозга, ограниченная и скованная мозгомъ. Подъ этимъ игомъ плоти сознаніе, не будучи въ состояніи проникать черезъ грубый покровъ матеріи, затуманивается. Такимъ образомъ, умъ есть только борющаяся часть души, работающая для роста всей души.

По мѣрѣ того, какъ она работаетъ, душа развивается и являетъ могущество. Душа облечена въ оковы матеріи, и та ея часть, которая можетъ проявиться черезъ мозгъ, есть умъ человѣка; иногда эта часть бываетъ велика, иногда мала, смотря по тому, какой ступени достигла эволюція. Человѣкъ въ Преддверіи понимаетъ, что умъ есть только условное проявленіе души. Онъ понимаетъ, что точно такъ же, какъ тѣло и „природа желанія“ должны быть подчинены уму, этой плѣнной части души, точно также и умъ долженъ подчиниться той великой Сущности, которую онъ только слабо представляетъ собою въ данный моментъ. Онъ — только орудіе, только органъ души. То, что онъ соберетъ, онъ долженъ вернуть самой душѣ.

Каково-же будетъ отношеніе къ этимъ вопросамъ нашего ученика?

Умъ ученика, приходя въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, собираетъ факты, группируетъ ихъ, дѣлаетъ выводы и строитъ на этомъ матеріалѣ всѣ свои интеллектуальные процессы. Результатъ этой дѣятельности переходитъ вверхъ или, лучше сказать, внутрь самой души; это то, что душа беретъ съ собой въ Девачанъ и тамъ, переработавъ, преображаетъ въ мудрость. Мудрость совсѣмъ не то что ученость. Ученость — это совокупность фактовъ, это — сужденія и выводы, осно-

ванные на нихъ, а мудрость есть квинтъ-эссенція всего, что душа вынесла изъ этихъ опытовъ. Въ Девакан҃ душа претворяетъ опытъ въ мудрость.

Нашъ ученикъ понимаетъ, что душа, которая пережила вс҃ прошлыя жизни и постепенно построила себя, и есть его настоящее „я“. Онъ начинаетъ понимать разницу между в҃чно-пребывающимъ „я“ и умомъ, который есть только преходящее проявленіе этого „я“. Умъ есть проявленіе души въ мір҃ матеріи, гд҃ онъ исполняетъ работу, заданную ему душой. Когда ученикъ въ первый разъ взываетъ къ учителю и, вступивъ въ Преддверіе, восклицаетъ: „Учитель! Что мн҃ дѣлать, чтобы достигнуть мудрости? Премудрый! Какъ обр҃сти мн҃ совершенство?“ Съ устъ Учителя слетаютъ странныя на первый взглядъ слова: „Разыскивай пути. Но будь чистъ сердцемъ, прежде ч҃мъ тронешься въ странствіе. Ран҃е ч҃мъ сдѣлаешь первый шагъ, научись различать истинное отъ ложнаго, преходящее отъ в҃чнаго.“

Зат҃мъ Учитель объясняетъ разницу между ученостью и мудростью; Онъ выясняетъ, что такое нев҃дѣніе, что такое знаніе и что такое сл҃дующая за ними мудрость. Онъ опред҃ляетъ умъ какъ „зеркало, покрывающееся пылью въ то время, какъ оно отражаетъ“, и потому умъ нуждается въ „дуновеніи мудрости“, чтобы „смести пыль нашихъ иллюзій“. Надъ этими словами ученикъ задумывается: въ чемъ разница между реальнымъ и преходящимъ, и въ какомъ оно соотношеніи съ проявленіемъ ума? Въ чемъ разница между отражающимъ зеркаломъ и душой, которая сметаетъ пыль съ зеркала, чтобы освободить насъ отъ иллюзій? Какую роль играетъ этотъ умъ, казавшійся такой могучей функціей въ человѣкѣ, что принимался до сихъ поръ за самого человѣка? Въ чемъ-же функція ума, если уже

съ перваго шага на Пути человѣкъ долженъ отличать иллюзію отъ реальнаго, а умъ какъ будто поддерживаетъ иллюзію?

Ученикъ вспоминаетъ другое выраженіе, также слетѣвшее съ устъ Учителя Мудрости: „Повелитель чувствъ", было сказано, царь низшей природы — не другъ ученика. Онъ вспоминаетъ, что ему было велѣно искать этого Повелителя чувствъ (Rajah) чтобы его понять, ибо онъ Творецъ мысли, онъ пробуждаетъ иллюзію. Ученику было сказано: „Умъ есть великій убійца реальнаго. Ученикъ долженъ убить убійцу". Вопросъ выясняется: Повелитель его чувствъ и есть Творецъ мыслей. Онъ пробуждаетъ иллюзію, и онъ убиваетъ реальное, ибо реальность пребываетъ въ духовномъ мірѣ; съ процессомъ дифференціаціи развивающійся умъ рождаетъ иллюзію. Уму присущи безконечные образы и картины; онъ обладаетъ тою способностью творить образы, которую мы называемъ воображеніемъ, и рядомъ — разсудочной способностью, которая продолжаетъ строить созданныя имъ воздушныя картины. Онъ создаетъ иллюзію и убиваетъ реальное, и потому первая задача ученика „убить убійцу", ибо онъ не сможетъ войти въ Преддверіе, пока не освободится отъ вліянія этой иллюзіи.

Продолжая внимать Учителю, ученикъ слышитъ голосъ, который повелѣваетъ ему слить умъ и душу воедино. Для этого ему придется сдѣлать рядъ измѣненій въ маломъ разумѣ, уничтожить его призрачную силу, чтобы привести его къ сліянію съ высшимъ началомъ, изъ котораго онъ происходитъ, слить его такъ, чтобы Отецъ и Сынъ снова стали одно. Затѣмъ онъ слышитъ голосъ, который въ мистическихъ выраженіяхъ велитъ ему убить „лунное тѣло" и очистить „тѣло ума". Онъ стремится понять значеніе этихъ словъ, начинаетъ

разбираться въ аллегоріяхъ и символахъ и понимаетъ, что „лунное тѣло“ есть тѣло желаній (Kâma), называемое астральнымъ человѣкомъ; онъ понимаетъ, что оно должно быть уничтожено, а „тѣло ума“ очищено. „Очисти тѣло своего ума“, говоритъ Учитель, ибо только отметая пыль иллюзій, можетъ „тѣло ума“ вернуться къ самому себѣ и слиться со своею душою. Ученикъ начинаетъ постигать, какова его задача въ Преддверіи по отношенію къ своему уму. Онъ понимаетъ, что онъ самъ — та живая душа, которая поднималась въ теченіе вѣковъ, и которая сознательно выдѣлила силу, чтобы создать орудіе для собственнаго употребленія, слугу, который подлежитъ контролю. Умъ не можетъ быть хозяиномъ, онъ долженъ быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ, держащихъ его, слугою того, кто его выслалъ впередъ. По мѣрѣ того, какъ это ему выясняется, ученикъ начинаетъ воспитывать свой умъ. Сначала ему придется имѣть дѣло съ очень простыми вещами; онъ увидитъ, что умъ его постоянно перебѣгаетъ съ одного предмета на другой, что имъ очень трудно управлять. Порывистый, непокорный и стремительный, онъ трудно поддается дисциплинѣ, какъ это заявилъ Арджуна 5000 лѣтъ тому назадъ. Онъ начинаетъ его воспитывать, какъ воспитываютъ коня, котораго объѣзжаютъ для верховой ѣзды. Его учатъ слѣдовать по данной дорогѣ, не перескакивая заборовъ и рвовъ, не бросаясь по всѣмъ направленіямъ, а послушно слѣдуя по пути, выбранному всадникомъ. Такимъ образомъ, ученикъ постепенно воспитываетъ свой умъ. Онъ не поддается окружающимъ соблазнамъ и не позволяетъ своимъ мыслямъ метаться по всѣмъ направленіямъ. Онъ добивается, чтобы мысль его текла по опредѣленнымъ линіямъ; онъ отказывается пріобрѣтать знанія обрывками,

и, отталкивая безчисленные соблазны поверхностнаго вѣка и времени, онъ будетъ читать по выбору и по внутреннему желанію; въ этомъ скажется главное воспитаніе его ума.

Онъ читаетъ съ опредѣленною цѣлью, послѣдовательно останавливаясь на извѣстныхъ разсужденіяхъ, которыя заставляютъ умъ продолжительно работать по намѣченной линіи; онъ не позволяетъ ему скакать съ предмета на предметъ, питая свойственную ему тревожность, ибо эта тревожность является препятствіемъ на пути и можетъ его совершенно сковать, если не будетъ побѣждена. Такимъ образомъ, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, онъ воспитываетъ свой умъ, пріучая его къ мышленію и выбирая для него объектъ работы.

Онъ больше не позволяетъ своимъ мыслямъ приходить и уходить и не позволяетъ также какой нибудь мысли завладѣть имъ, онъ хочетъ быть хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ. У него могутъ быть огорченія и заботы, но онъ ими пользуется для воспитанія своего ума. Когда скопляется много заботъ и волненій, и когда является соблазнъ тревожиться о будущемъ, о томъ, что можетъ еще случиться черезъ нѣсколько дней, недѣль или мѣсяцевъ, онъ говоритъ: „я не позволю такой тревогѣ жить въ моей душѣ, не дамъ пріюта такимъ безпокойнымъ мыслямъ: во мнѣ будетъ жить только то, что я хочу, что я выбралъ, а то, что приходитъ помимо меня, то будетъ изгнано“. Есть люди, которые не спятъ по ночамъ, вслѣдствіе тревоги; не заботы ихъ убиваютъ, а мысли объ этихъ заботахъ. Ученикъ такъ дѣйствовать не можетъ; онъ неможетъ допустить что либо помимо своей воли и замыкаетъ на запоръ двери своего ума передъ этими назойливыми

мыслями. Это опредѣленная, медленная и нелегкая работа; мысли врываются, а онъ ихъ долженъ выгонять: и это онъ долженъ повторять снова и снова, ибо нѣтъ другого пути къ успѣху: нужно схватить назойливую мысль, сколько-бы разъ она ни являлась и спокойно ее выгонять, отказывая ей въ пріютѣ. Но какъ это сдѣлать? Легче всего дать вначалѣ уму какую-нибудь другую пищу; позднѣе умъ просто откажется принять ее, но пока ученикъ не научился еще спокойно закрывать двери своего ума, не обращая никакого вниманія на врывающіяся въ него мысли, онъ мудро сдѣлаетъ, замѣняя мысль о преходящемъ мыслью о вѣчномъ. Такимъ образомъ онъ достигаетъ двухъ вещей: онъ освобождается отъ мимолетной мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаетъ умъ свой пребывать въ вѣчномъ: онъ обрѣтаетъ чувство мира, пониманіе, что настоящее есть преходящее и потому не заслуживаетъ волненій; пребывая въ области вѣчнаго, умъ обрѣтаетъ крѣпость и познаетъ тайну мира въ этомъ и другихъ мірахъ.

Воспитывая такимъ образомъ свой умъ и овладѣвая имъ, становясь способнымъ выбирать и отгонять мысли, ученикъ сдѣлаетъ дальнѣйшій, болѣе трудный шагъ впередъ: онъ будетъ думать внѣ ума своего, не потому, что онъ впадетъ въ безсознательное состояніе, а потому, что погрузится въ болѣе глубокое сознаніе; не потому, чтобы жизнь въ немъ начала замирать, а потому, что она сдѣлалась настолько интенсивной, что мозгъ не въ состояніи ее вмѣстить. Съ этимъ ростомъ внутренней жизни, съ возрастаніемъ этой жизненной энергіи, изливающейся изъ души, онъ познаетъ ступень, на которой мысль не будетъ больше мыслью его ума, но сознаніемъ самой души. Задолго до того, какъ онъ обрѣтетъ это сознаніе и будетъ имъ владѣть непре-

рывно, ему придется пройти черезъ періодъ тьмы и пустоты, черезъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ стадій Преддверія. Тогда онъ начнетъ понимать слова Учителя: „Своимъ Божественнымъ покори свое низшее я, Вѣчнымъ покори божественное". Божественное я — это душа, которая должна покорить малый разумъ, но надъ душой пребываетъ Вѣчное, и при вступленіи въ Храмъ это Вѣчное должно владѣть божественнымъ, подобно тому, какъ божественное владѣетъ низшимъ я. Постепенно и медленно онъ учится господству надъ всѣмъ, что его окружаетъ, и съ чѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе.

Онъ вступаетъ на ту ступень Преддверія, гдѣ его окружаютъ тонкіе соблазны; не тѣ, что возбуждаютъ низшую природу, но тѣ, которые дерзаютъ возстать противъ высшей, пользуясь для погибели ученика умомъ, такъ какъ грубымъ искушеніямъ не удалось соблазнить его. Тонкія искушенія отуманиваютъ внутренняго человѣка во время его восхожденія по крутой тропѣ; онѣ окружаютъ его сонмомъ суетныхъ мыслей, и онъ долженъ обрѣсти полное господство надъ образами, созданными имъ самимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи оставаться совершенно спокойнымъ и яснымъ среди этого полчища наступающихъ мыслей, получающихъ новую жизнь и силу отъ силъ противодѣйствующихъ, всегда стремящихся задержать душу въ ея восхожденіи. Въ Преддверіи онъ встрѣчается съ ними лицомъ къ лицу, онѣ набрасываются на него съ яростью, свойственной силамъ зла, и, если онъ не научился владѣть собой и ограждать свой умъ отъ стремительныхъ нападеній внѣшняго міра, то какъ-же ему устоять противъ жестокой рати Мара? [1]) Это враги души, не про-

[1]) Символъ силы зла, т. е. силы противодѣйствующей прогрессу.

пускающіе никого, кто не обрѣлъ еще совершеннаго мира.

Понемногу въ ученикѣ вырастаетъ сила, рождающаяся отъ сосредоточенія ума, ибо умъ его научился уже твердо останавливать свое вниманіе по желанію, несмотря на окружающія бури; и эта сосредоточенность такъ велика, такъ тверда, что ничто извнѣ не можетъ поколебать ее; она такъ выросла, что не нуждается болѣе въ усиліи убить назойливую мысль: эту стадію она уже переросла. Чѣмъ сильнѣе душа, тѣмъ менѣе она тратитъ силы на борьбу, тѣмъ менѣе она чувствуетъ нападеніе извнѣ.

Теперь умъ достигъ той ступени, на которой непрошенныя мысли сами умираютъ отъ прикосновенія съ высоко настроенной душой. Уму не нужно больше убивать и не надо больше быть убиваемымъ. Онъ очистился и сдѣлался покорнымъ. При этомъ сліяніи ума съ душой все негармоничное само собой отталкивается и умираетъ. Это та сосредоточенность ума, которая въ восточномъ св. Писаніи сравнивается съ лампадой, поставленной въ тихую обитель, куда не проникаетъ колебаніе вѣтра; это та обитель, гдѣ воля начинаетъ проявляться, обитель абсолютнаго мира подъ тѣнью самого Христа. Объ этой обители идетъ рѣчь въ древнемъ Священномъ Писаніи, гдѣ говорится, что человѣкъ свободный отъ желанія и скорби узритъ въ тишинѣ величіе души [1]). Въ первый разъ воистину онъ видитъ это величіе не въ молніеносномъ откровеніи, не въ мимолетномъ лучѣ, но въ этой совершенной тишинѣ, гдѣ нѣтъ ни желаній, ни трепета скорби; величіе души сіяетъ безъ преградъ, и умъ, уподобив-

[1]) Катхопанишадъ II 20.

шійся полированному зеркалу, отражаетъ ее во всей чистотѣ. Въ прежніе дни этотъ умъ былъ зеркаломъ, покрытымъ пылью, озеромъ, взволнованнымъ вѣтромъ, но теперь онъ обратился въ полированное зеркало, способное отражать въ совершенствѣ. Умъ сталъ подобенъ озеру, отражающему и горы, и небо, и деревья, и звѣзды, и всякій оттѣнокъ на небесахъ.

Но до этой минуты есть часъ великой опасности, о которой говорится ученику. Передъ самымъ вступленіемъ туда, гдѣ свѣтъ лампады больше не колеблется, когда умъ и душа готовы слиться навсегда, умъ внезапно превращается въ „обезумѣвшаго слона, бѣснующагося въ джунгляхъ“.[1]) Это послѣдняя борьба ума, послѣднее усиліе низшаго возстать противъ высшаго, бунтъ низшей природы, о которомъ говорится во всѣхъ книгахъ Посвященія. Въ книгахъ, трактующихъ о сокровенной мудрости, говорится, что когда ученикъ подходитъ къ вратамъ Храма, всѣ силы природы возстаютъ противъ него, чтобы его удержать; это послѣдняя борьба передъ полной побѣдой. Это отраженіе такой-же борьбы на высшихъ планахъ, столь высокихъ, что намъ трудно ихъ себѣ представить, ибо туда проникли лишь величайшіе. Символически это переживаніе выражено въ послѣдней борьбѣ Будды подъ священнымъ древомъ: когда на него снизошло послѣднее просвѣтлѣніе, сдѣлавшее его Буддой, полчища враговъ собрались вокругъ него, чтобы попытаться закрыть ему путь. На безконечно болѣе низкихъ планахъ такая-же крестная борьба происходитъ въ жизни ученика, приближающагося къ вратамъ Храма.

Какъ ученику остаться побѣдителемъ, какъ шествовать ему на пути испытанія, по слѣдамъ тѣхъ, кото-

[1]) Голосъ Безмолвія.

рые шли передъ нимъ? Изъ устъ Учителя приходитъ помощь. Онъ говоритъ: „Нужны указанія, чтобы привлечь къ Алмазной Душѣ.“ [1])

Что такое „Алмазная Душа“?

Это душа, совершившая сліяніе со своимъ „истиннымъ Я“. Душа безъ пятенъ и цѣльная, прозрачная какъ алмазъ и пропускающая черезъ себя свѣтъ Логоса, который собирается здѣсь какъ въ фокусѣ для помощи человѣчеству.

Это высокое наименованіе „Алмазной Души“ принадлежитъ той душѣ, поднявшейся надъ другими, черезъ которую свѣтъ Логоса льется безпрепятственно, — такъ чистъ, такъ совершененъ алмазъ. Къ этой душѣ мы обращаемъ взоры въ минуты нашего высочайшаго вдохновенія. Одного соприкосновенія съ ея красотой и огнемъ достаточно для нашего подъема, ибо душа тянется къ своему идеалу, какъ цвѣтокъ къ свѣту; то, что влечетъ ее вверхъ, это — лучи, исходящіе изъ Алмазной Души, которая изливаетъ силу свою на то, что ей родственно, хотя бы это былъ только слабый ростокъ, и привлекаетъ его съ божественной силой къ сліянію съ собой. Ученикъ начинаетъ понимать, что означаетъ Алмазная Душа: онъ понимаетъ, что она должна быть воплощена въ немъ самомъ: „Взгляни въ себя, ты — Будда!“ [2])

Онъ понимаетъ, что и умъ его и тѣло — лишь орудія служенія, что они лишь постолько цѣнны, посколько творчество ихъ достойно подниматься до высшаго. Силою любви струны ума настраиваются душой, и умъ дѣлается музыкальнымъ инструментомъ, достой-

---

[1]) Голосъ Безмолвія.

[2]) Будда означаетъ „просвѣтленный“.

нымъ прикосновенія Учителя, — инструментомъ, на которомъ могутъ прозвучать всѣ мелодіи неба и земли. Стоя на порогѣ, ученикъ понимаетъ, что онъ нашелъ свое Высшее Я, что душа устремляетъ свои взоры на нѣчто болѣе высокое, съ чѣмъ ему суждено слиться воедино. Но самое сліяніе происходитъ уже внутри Храма. На порогѣ онъ лишь слилъ свое вѣчное со своимъ преходящимъ „я“, душу съ умомъ. И тогда начинается его истинная молитва, которая выражается какъ отожествленіе съ Высшимъ. Онъ узнаетъ, что въ своей ежедневной жизни душа всегда можетъ молиться, чѣмъ-бы ни были заняты умъ и тѣло его. Онъ понимаетъ, что жизнь ученика есть непрерывное поклоненіе Высшему, непрерывное созерцаніе Алмазной Души. Въ то время, какъ душа человѣка трудится въ Храмѣ, тѣло и умъ его работаютъ въ Преддверіи для помощи міру, ибо тѣло и умъ могутъ служить безпрерывно, пока человѣкъ живъ; они его посланники и работники на землѣ, а духъ его можетъ пребывать въ высшихъ мірахъ. И тогда ему раскрывается значеніе словъ: „На небѣ ангелы всегда лицезрѣютъ Отца“, ибо видѣніе Отца-Души есть непрерывное видѣніе; никакое облако не можетъ его затуманить, никакая работа на землѣ не можетъ набросить тѣни на него. Душа постоянно зритъ его въ то время, какъ умъ и тѣло ея работаютъ. Когда душа этого достигла, порогъ перейденъ, и душа вступаетъ въ Храмъ самого Господа.

Глава III.

Созиданіе характера.

Приступая къ третьей лекціи, я хочу прежде всего напомнить вамъ, что положеніе ученика въ Преддверіи очень разнится отъ положенія обыкновеннаго добраго и религіознаго человѣка, не видѣвшаго еще конечной цѣли, не имѣющаго еще представленія о величіи своей задачи. Говоря о необходимыхъ ученику качествахъ, я говорю съ точки зрѣнія сознательнаго развитія для опредѣленной признанной цѣли. Но говоря объ этихъ качествахъ, я не предполагаю, чтобы онѣ были пріобрѣтены уже въ совершенствѣ. Пока человѣкъ стоитъ въ Преддверіи Храма, онъ только еще приступаетъ къ созиданію своего характера. Понявъ, чѣмъ онъ долженъ быть, онъ старается съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ осуществить свой идеалъ. Полное очищеніе, совершенное управленіе мыслями, совершенное творчество характера, полное преображеніе низшаго въ высшее, все это не можетъ еще быть закончено на порогѣ Храма; въ Преддверіи онъ какъ бы набрасываетъ планъ зданія и тщательно вырисовываетъ схему съ надеждой ее осуществить въ совершенствѣ. Разработка этой схемы, строительство стѣнъ и увѣнчаніе зданія совершаются въ самомъ Храмѣ, когда глаза уже открылись, а не въ то время, когда зрѣніе еще частью

затуманено; но важно знать, что схема уже готова и признана, и что ученикъ твердо поставилъ передъ собой задачу вѣковъ.

Какъ ни величава эта схема, но она принимается уже въ Преддверіи; какъ бы ни были несовершенны начинанія настоящаго, но онѣ дѣлаются основаніями для славнаго строительства будущаго. Повторяю это такъ пространно, потому что нѣкоторые мои слушатели могли-бы испугаться такого широкаго плана; слѣдуетъ ясно понять, что первое начинаніе есть начало работы, и что за порогомъ насъ ждутъ еще многія жизни, въ теченіе которыхъ эти начинанія будутъ доведены до совершенства; планъ-же архитектора служитъ основой для всего зданія . . .

Перейдемъ теперь къ созиданію характера, которое является опредѣленной задачей ученика въ Преддверіи. Въ прошлыхъ жизняхъ онъ былъ уже праведнымъ, т. е. онъ вполнѣ понималъ, что онъ не долженъ допускать ничего порочнаго въ себѣ, и что, если въ немъ остались какія нибудь сѣмена зла, онъ долженъ ихъ неизбѣжно искоренить. Въ Преддверіи не можетъ быть компромиссовъ со зломъ, не можетъ быть вопроса о сознательномъ уклоненіи отъ добра и правды. Могутъ быть неудачи въ достиженіи добра, но ученикъ уже не въ состояніи спокойно продолжать дѣлать зло; отъ этого онъ уже давно отошелъ, ибо болѣе грубая часть его природы была окончательно побѣждена, а первоначальная стадія внутренней борьбы закончена. Совершенно неотесанные камни не могутъ быть внесены въ Храмъ; обтесываніе должно было происходить въ теченіе многихъ жизней, много труда должно было быть положено на созиданіе характера, прежде, чѣмъ онъ сталъ годнымъ для строительства въ Преддверіи

Храма. Слѣдовательно, грубое обтесываніе характера уже совершилось, и мы имѣемъ теперь дѣло съ созданіемъ положительныхъ добродѣтелей, высокихъ и благородныхъ качествъ, не только тѣхъ, которыя признаются необходимыми въ мірѣ, но и тѣхъ, которыя ученикъ стремится пріобрѣсти, чтобы сдѣлаться однимъ изъ помощниковъ и спасителей міра; тѣхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ человѣка однимъ изъ піонеровъ по пути къ сверхъ-человѣчеству.

Въ этой работѣ Преддверія прежде всего поражаетъ стройность и опредѣленность труда: здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ порывами и стремленіями, не съ прерывающимся строительствомъ, при которомъ человѣкъ бросается налѣво и направо, ища цѣли; ибо здѣсь цѣль вполнѣ установлена и извѣстна. Строительство совершается сознательно человѣкомъ, который знаетъ, что у него есть время, и что ничто въ природѣ не теряется. Строительство начинается надъ готовымъ матеріаломъ, при чемъ человѣкъ спокойно констатируетъ свою силу и свои слабости, принимаясь за усовершенствованіе первой и исправленіе послѣднихъ. Это строительство можно уподобить ваянію статуи, для которой уже есть матеріалъ и образецъ. Первое, что отмѣчаетъ ученика въ Преддверіи, это опредѣленность цѣли и сознательность поступковъ. Человѣкъ знаетъ, что онъ доведетъ до конца всякое дѣло, за которое примется, что онъ перенесетъ изъ жизни въ жизнь накопленныя сокровища; что, если онъ и найдетъ недочеты, которые ему удастся заполнить только отчасти, то все же часть работы можно считать выполненной; что, если онъ создастъ себѣ силу, то эта сила будетъ принадлежать ему навсегда, какъ неотъемлемая собственность, претворенная въ самую суть жизни.

Признавъ Законъ, лежащій за всѣми явленіями природы, онъ строитъ съ тѣмъ усердіемъ, которое имѣетъ свой корень въ знаніи. Признавъ незыблемость этого Закона, которому можно вполнѣ довѣриться, онъ съ полной вѣрой обращается къ нему. Въ немъ нѣтъ ни тѣни колебаній или сомнѣній; онъ отдаетъ то, что должно принести ему жатву; онъ сѣетъ съ абсолютной увѣренностью, что каждое сѣмя принесетъ опредѣленный, себѣ подобный плодъ, что оно вернется ему въ будущемъ именно такимъ — а не другимъ. Въ его работѣ нѣтъ торопливости или нетерпѣнія; если плодъ не созрѣлъ, если сѣмя не взошло, онъ можетъ подождать. Онъ знаетъ, что Законъ, которому онъ отдалъ себя, — благой и незыблемый Законъ; все придетъ въ свое время, и это время будетъ лучшимъ для него и для міра.

Онъ начинаетъ съ тѣмъ матеріаломъ, который у него есть, и не ищетъ другого, потому что это то, что Законъ принесъ ему изъ прошлаго. Съ нимъ, а не съ чѣмъ другимъ, онъ долженъ начать свою работу, и онъ начинаетъ каковъ-бы ни былъ этотъ матеріалъ, обильный или скудный, бѣдный или богатый, малый или большой. Матеріалъ можетъ быть бѣденъ, но нѣтъ границъ его росту; если онъ малъ сегодня, то въ будущемъ онъ можетъ вырости безконечно. Онъ знаетъ, что онъ д о л ж е н ъ имѣть успѣхъ. Это не просто вѣроятность, а полная увѣренность, что передъ нимъ не мечта, а опредѣленная реальность. Законъ долженъ вернуть ему ровно столько, сколько онъ самъ даетъ, и, если онъ даетъ мало, то и это малое вернется ему, и изъ него онъ создастъ будущее, прибавляя постепенно къ накопленному и съ каждымъ усовершенствованіемъ поднимаясь выше и выше.

Онъ началъ съ правильнаго мышленія, научился владѣть своими мыслями, выбирая хорошія и отбрасывая дурныя. Настойчиво работая надъ управленіемъ мыслью, понимая законы, согласно которымъ мысли рождаются, вліяютъ на міръ и обратно воздѣйствуютъ на ихъ творца, онъ дѣйствуетъ опредѣленно въ сферѣ мысли для созиданія своего характера.

На первыхъ ступеняхъ Преддверія онъ уже долженъ владѣть своимъ мышленіемъ, главнымъ образомъ потому, что его мысли вліяютъ на другихъ, а тѣ, которые стремятся въ Храмъ, ставятъ на первый планъ интересы другихъ. Выбирая хорошія мысли, онъ это дѣлаетъ не столько для себя, какъ для тѣхъ, на кого онъ можетъ вліять. Ибо вся его энергія устремлена на помощь міру, и онъ постоянно вопрошаетъ себя, насколько его мысли помогаютъ міру подняться и очиститься. Зная, какимъ образомъ исходящій изъ его сознанія потокъ мыслей дѣйствуетъ на окружающихъ, онъ позволяетъ зарождаться въ себѣ только полезнымъ мыслямъ. Онъ также помнитъ о вліяніи мыслей на собственный характеръ, онъ знаетъ, что мысли его имѣютъ жизненное значеніе, будучи орудіемъ созиданія характера; съ одной стороны онѣ реагируютъ непосредственно на его характеръ, съ другой — онѣ дѣлаютъ изъ него магнитъ, притягивающій другія мысли. Зная, что человѣкъ обращается въ фокусъ, притягивающій высокія и благородныя мысли или дурныя и вредныя, ученикъ волевымъ актомъ дѣлаетъ изъ своего сознанія магнитъ для всего добраго, такъ что злое умираетъ, соприкасаясь съ нимъ, а все доброе вливается въ него, получая новую пищу и новую силу; чужія мысли исходятъ изъ него преображенныя, и онъ дѣлается источникомъ помощи для всѣхъ, не только тѣмъ,

что постоянно рождаетъ высокаго качества мысли, но и тѣмъ, что преображаетъ и оживляетъ тѣ добрыя мысли, которыя приходятъ. Всѣ эти мысли воздѣйствуютъ на его характеръ, и потому съ самаго начала ученикъ постоянно слѣдитъ за своими мыслями, тщательно въ нихъ разбирается, чтобы не впустить въ святилище свое то, что могло-бы оскорбить его. Если онъ не будетъ слѣдить за этимъ, то двери откроются для врага: ибо его мысль и крѣпость и врата.

Работая такимъ образомъ надъ своимъ характеромъ, онъ учится слѣдить и за своею рѣчью. Прежде всего рѣчь должна быть правдива, совершенно и до точности правдива, не условною правдивостью міра, но той настоящей и строгой правдивостью, которая совершенно необходима для оккультиста, и въ которую входятъ: вѣрное наблюденіе, точная передача, честная мысль, правдивая рѣчь, праведное дѣйствіе. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого исканія правды и этого серьезнаго стремленія быть честнымъ, тамъ оккультизмъ можетъ принести съ собой только опасность паденія, и это паденіе будетъ тѣмъ глубже и страшнѣе, чѣмъ выше поднялся ученикъ.

Для оккультиста качество правдивости есть и руководитель и щитъ: оно руководитъ имъ, помогая отличить вѣрное отъ ложнаго, правый путь отъ лѣваго; оно прикрываетъ его какъ-бы щитомъ, ограждающимъ его отъ искушеній и обмановъ тѣхъ плановъ, черезъ которые онъ проходитъ безопасно. Упражненіе въ правдѣ мысли, рѣчи и дѣйствія рождаетъ то внутреннее прозрѣніе, которое проникаетъ черезъ всѣ пелены иллюзій, и противъ которой ложь ничего не можетъ сдѣлать. Міръ иллюзіи полонъ обманчивыхъ покрововъ, но духовное зрѣніе неизмѣнно видитъ истину

сквозь всѣ эти пелены. Развитіе-же этого духовнаго прозрѣнія всецѣло зависитъ отъ того, посколько правда живетъ въ нашемъ характерѣ, культивируется нашимъ интеллектомъ и растетъ въ нашемъ сознаніи; безъ правды насъ ожидаютъ только ошибки и неудачи.

Итакъ, прежде всего рѣчь наша должна быть правдивой, а затѣмъ она должна быть кроткой. Правдивость и кротость не находятся въ противорѣчіи, какъ это часто думаютъ, и рѣчь ничего не теряетъ въ правдивости оттого, что дѣлается совершенной въ своей кротости, состраданіи и утонченной внимательности. Чѣмъ правдивѣе рѣчь, тѣмъ она должна быть болѣе кроткой, ибо въ самомъ сердцѣ всѣхъ вещей пребываютъ правда и состраданіе; рѣчь, которая должна отражать самую суть явленія, не можетъ наносить безпричинно боль кому-то ни было, и въ ней не можетъ быть даже тѣни лжи.

Правдивой, кроткой и бережной должна быть рѣчь. Такова дисциплина рѣчи, подвигъ и жертва, приносимые ученикомъ. Отъ правдивой рѣчи и правдивой мысли неизбѣжно рождается надлежащая дѣятельность, ибо волны подобны своему источнику. Поступки являются лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутренней жизни, и тамъ, гдѣ мысль чиста и рѣчь правдива, тамъ неизбѣжно благородны и поступки. Какъ изъ чистаго источника могутъ родиться только чистыя воды, такъ и изъ очищеннаго сердца и просвѣтленнаго сознанія неизбѣжно рождаются благіе поступки. Это — та тройная струна, которая связываетъ неофита съ человѣчествомъ и Учителемъ; въ нѣкоторыхъ религіяхъ эта струна символизируетъ совершенное самообладаніе; управленіе мыслями, рѣчью и поступками составляетъ ту тройную нить, которая приводитъ человѣка къ совершенству служенія,

привлекая ученика къ стопамъ Учителя. Эту струну трудно порвать.

Постигнувъ все это, ученикъ начинаетъ свою работу надъ характеромъ и прежде всего ставитъ передъ собой извѣстный идеалъ. Попытаемся выяснить себѣ значеніе слова „идеалъ". Углубленной работой умъ созидаетъ внутренній образъ, складывающійся изъ того, что умъ ученика черпаетъ изъ внѣшняго міра, но, хотя матеріалъ берется извнѣ, образъ есть результатъ внутренняго воздѣйствія ума на матеріалъ. Высокая идея есть вещь отвлеченная; понявъ ея образованіе въ мозговомъ сознаніи, мы вполнѣ постигнемъ, что такое идеалъ. Возьмемъ, напримѣръ, древнюю иллюстрацію треугольника. Идея треугольника можетъ явиться въ мозговомъ сознаніи дитяти вслѣдствіе изученія многихъ формъ, которыя онъ узнаетъ подъ именемъ треугольниковъ. Оно замѣчаетъ, что они очень различны по формѣ, что ихъ линіи идутъ по разнымъ направленіямъ. И сначала оно приметъ ихъ за разныя фигуры, не замѣчая ихъ основного единства, дающаго имъ право на одно и то-же названіе; но постепенно оно видитъ, что подъ этимъ представленіемъ о треугольникѣ есть цѣлый рядъ опредѣленныхъ истинъ: всегда три линіи, не больше; всегда три угла, не больше; сумма этихъ трехъ угловъ всегда одна и та-же, и эти три линіи, именуемыя сторонами треугольника, находятся въ опредѣленныхъ соотношеніяхъ. Ко всѣмъ этимъ различнымъ представленіямъ онъ постепенно приходитъ и черпаетъ изъ нихъ отвлеченную идею треугольника, неимѣющаго никакой опредѣленной формы, никакого опредѣленнаго размѣра и никакихъ различныхъ угловъ. Работа ума надъ многочисленными конкретными формами приводитъ къ этой отвлеченной идеѣ. Я не буду касаться здѣсь той вели-

кой идеи, которая отражается въ идеѣ треугольника; я разсматриваю лишь процессъ образованія отвлеченныхъ идей, не имѣющихъ цвѣта, формы и характерныхъ особенностей, и соединяющихъ въ себѣ все, что приводитъ къ единству всѣ разнообразныя формы треугольника. Создавая идеалъ, мы образуемъ именно такого рода отвлеченную идею; это — творческая работа ума, извлекающаго изъ различныхъ идей о добрѣ суть того, что прекрасно, истинно, гармонично, сострадательно и что во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ всѣ стремленія ума и сердца. Изъ всѣхъ этихъ идей, постигнутыхъ въ своемъ ограниченномъ проявленіи, извлечена самая суть, а затѣмъ умъ вырисовываетъ очертанія великой героической фигуры, въ которой все доведено до совершенства, все нашло свое высочайшее и полнѣйшее выраженіе. Созерцая этотъ образъ, душа соприкасается не съ тѣмъ, что истинно, а съ самой истиной, не съ тѣмъ, что прекрасно, а съ самой красотой, не съ тѣмъ, что сильно, а съ самой силой, не съ тѣмъ, что любитъ, а съ самою любовью, т. е. совершенный образъ, могущественный и гармоничный, соотвѣтствующій по величію тому, что лишь въ рѣдкія минуты вдохновенія рисовалъ себѣ духъ. Ученикъ такимъ образомъ ставитъ передъ собой самый совершенный идеалъ, который онъ только въ состояніи себѣ представить, зная, что самая совершенная его мечта только слабая тѣнь той реальности, изъ которой родилось это отраженіе. Ибо въ мірѣ реальнаго, въ его яркомъ свѣтѣ живетъ то, что онъ видитъ здѣсь лишь въ слабомъ отраженіи, и что пребываетъ въ небесахъ, высоко надъ снѣжными вершинами человѣческаго вдохновенія. Его идеалъ все еще не совершененъ, иначе и быть не можетъ, тѣмъ не менѣе характеръ уже строится по этому идеалу.

Но къ чему строить идеалъ? Постигнувшій силу мысли, знаетъ, почему идеалъ необходимъ. Возьмемъ два изреченія, одно изъ индусскихъ священныхъ писаній, другое изъ христіанскихъ, и мы увидимъ, что, несмотря на все различіе языковъ и цивилизацій, посвященные говорятъ объ однихъ и тѣхъ-же фактахъ. Въ Chhándogya, въ одной изъ самыхъ мистическихъ Упанишадъ, написано: „человѣкъ есть созданіе отраженія: о чемъ онъ размышляетъ, тѣмъ онъ и становится, и потому думай о Браманѣ“ *). Нѣсколько тысячелѣтій спустя, другой великій Учитель, одинъ изъ созидателей христіанства, выразилъ совершенно ту же мысль иными словами: „А мы всѣ открытымъ лицомъ, какъ въ зеркалѣ, взирая на славу Господню, въ тотъ же образъ преображаемся отъ славы въ славу, такъ какъ надлежитъ Духомъ Господнимъ“ **).

Взирая, какъ въ „зеркалѣ“, потому что умъ есть зеркало, которое отражаетъ являющіеся образы, душа, созерцающая въ этомъ зеркалѣ славу Господню, преображается въ этотъ самый образъ отъ славы къ славѣ. Въ словахъ индуса или христіанина, въ писаніяхъ индусской или западной мудрости мы имѣемъ дѣло съ ученіемъ одного и того же великаго Братства. Человѣкъ долженъ поставить передъ собой идеалъ, чтобы отражать его, и тогда онъ неизбѣжно становится тѣмъ, о чемъ постоянно думаетъ. Какъ же будетъ идти это строительство? Оно будетъ совершаться путемъ созерцанія. Опредѣленно, сознательно, въ извѣстное время, день за днемъ, ученикъ, желающій дисциплинировать свой характеръ, будетъ созерцать идеалъ, который онъ себѣ поставилъ. Онъ сосредоточитъ свой умъ на немъ

*) T. III. IV. 1.

**) 2. Коринѳ. III. 18.

и постоянно будетъ отражать его въ своемъ сознаніи. Ежедневно онъ будетъ рисовать его себѣ, мысленно въ немъ жить, и, созерцая его, въ немъ родится то благоговѣніе, которое обращается въ поклоненіе, та великая сила, которая преображаетъ человѣка въ то, чему онъ поклоняется. Во время его созерцанія лучи Божественнаго Идеала озарятъ его, а стремленіе вверхъ раскроетъ настежъ окна его души навстрѣчу свѣту, такъ что внутреннее озареніе будетъ изливаться изъ него и освѣщать путь, по которому онъ долженъ ступать. Для созерцанія онъ долженъ воспитать въ себѣ способность къ сосредоточенности; умъ не долженъ метаться. Мы должны учиться собранности, и работу эту мы должны вести непрестанно, примѣняя ее ко всѣмъ обыденнымъ вещамъ жизни, дѣлая въ данное время только одно дѣло съ той сконцентрированной энергіей, которая сосредоточиваетъ весь умъ въ одной точкѣ. Приходится много дѣлать обыденныхъ вещей, но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, какъ ихъ дѣлать. Для самовоспитанія, ведущаго къ ученичеству, важна не та или иная работа въ мірѣ, но способъ, которымъ она совершается, настроеніе, съ которымъ она ведется, урокъ, который изъ нея извлекается. Безразлично, какую жизнь приходится вести; какъ бы мало интересна не была работа въ данный моментъ, можно ею воспользоваться какъ почвой для воспитанія ума, который мало по малу пріучается сосредоточиваться на одной точкѣ, на одномъ дѣлѣ. Овладѣвъ этой способностью, можно свободно выбрать цѣль и направить умъ на то, что поставлено передъ нимъ. Работая надъ маленькими вещами, можно также глубоко овладѣть умомъ, какъ работая и надъ большими; въ сущности даже лучше, потому что насъ ежедневно окружаютъ

мелочи жизни, а крупныя событія встрѣчаются рѣдко. Когда приходитъ нѣчто большое, вся душа встаетъ вооруженная навстрѣчу ему, большое захватываетъ все вниманіе человѣка, всю его энергію, и человѣкъ оказывается въ силахъ хорошо справится съ большой задачей. Но истинная цѣнность души испытывается больше въ малыхъ вещахъ, которыя не захватываютъ вниманія, не льстятъ нашему самолюбію. Человѣкъ, сознательно работающій для достиженія избранной цѣли, пользуется всѣмъ окружающимъ, чтобы дисциплинировать себя. Самовоспитаніе (самодисциплина) есть ключъ ко всей работѣ.

Слѣдуетъ составить извѣстный планъ жизни, извѣстныя правила и строго придерживаться ихъ, мѣняя ихъ, если нужно, вполнѣ сознательно. Возьмемъ такую простую вещь, какъ опредѣленное правило утренняго вставанія: (тѣло также требуетъ контроля), поэтому слѣдуетъ назначить наилучшее время для своей работы и для домашнихъ обязанностей и соблюдать эти правила. Нельзя позволять своему тѣлу самому выбирать свой часъ вставанія, нужно воспитать его такъ, чтобы оно, какъ покорный слуга, мгновенно и автоматически повиновалось велѣнію воли. Если черезъ нѣкоторое время будетъ замѣтно, что часъ плохо выбранъ, слѣдуетъ измѣнить его; не слѣдуетъ во имя упражненія воли терять гибкость, но мѣнять свои рѣшенія нужно вполнѣ сознательно и по своему собственному почину, а не подъ вліяніемъ страсти, желанія или эмоціи. Низшая природа должна быть дисциплинирована, но регулируя нашу жизнь, мы ни въ какомъ случаѣ не должны мѣшать нашимъ окружающимъ.

Когда весь этотъ путь къ созиданію характера усвоенъ, человѣкъ приступаетъ къ изученію самого ха-

рактера, ибо работать нужно съ раскрытыми глазами и съ знаніемъ, а не въ слѣпотѣ.

Мудро взять себѣ въ образецъ планъ, по которому работали великіе люди, и съ такой помощью двигаться къ вратамъ храма. Хорошо, напримѣръ, взять для этой цѣли XVI бесѣду изъ Бхагавадъ-Гиты, въ которой Шри-Кришна подробно описываетъ Арджунѣ необходимыя качества для созиданія божественнаго характера. Это даетъ планъ, по которому человѣкъ самъ можетъ постепенно развить эти качества. Въ этой XVI бесѣдѣ — цѣлый списокъ качествъ, которыя могли бы стать предметомъ постоянной мысли и настроенія ученика; только надо помнить, что характеръ строится сперва созерцаніемъ добродѣтели, а затѣмъ уже выработкой этой добродѣтели, сдѣлавшейся частью души и выливающейся въ рѣчь и въ дѣятельность обыденной жизни ученика. Списокъ большой, но у ученика есть время его выполнить: „безстрашіе, чистота сердца, постоянство въ Іогѣ Мудрости, дѣла милосердія, самообузданіе, жертва, изученіе Shâstras (священныя писанія), подвиги, прямота, незлобивость (неспособность дѣлать кому-нибудь больно), правдивость, отсутствіе гнѣва, отреченіе, миролюбіе, отсутствіе злословія, состраданіе ко всему живому, отсутствіе жадности, кротость, скромность, отсутствіе легкомыслія, мужество, всепрощеніе, великодушіе, прямодушіе, привѣтливость, отсутствіе гордости — таковы свойства того, который родился съ божественными качествами“. Ученикъ не сразу овладѣваетъ этими качествами, но пріобрѣтаетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ строится его характеръ. При внимательномъ чтеніи видно, что ихъ можно сгруппировать по нѣсколькимъ разрядамъ и затѣмъ ежедневно упражняться въ нихъ, въ началѣ несовершенно, но не

прерывая усилій, не печалясь при неудачахъ, а радуясь, что каждый шагъ приближаетъ насъ къ поставленной цѣли. Эти качества проникнуты съ одной стороны чувствами самоотреченія, любви и кротости, а съ другой — отличаются мужествомъ, силой и терпѣніемъ; изъ сочетанія тѣхъ и другихъ является уравновѣшенность, и характеръ становится сильнымъ, нѣжнымъ, самостоятельнымъ, сострадательнымъ, полнымъ преданности и кротости, въ высшей степени дисциплинированнымъ и гармоничнымъ.

Предположимъ, что до извѣстной степени такой идеалъ принятъ для руководства въ практической жизни и начинаетъ осуществляться. Остановимся на одной сторонѣ этой работы, которая часто бываетъ совершенно непонята. Для европейскаго слуха странно звучитъ слово: безстрастіе, которое выражается какъ безразличіе къ радости и горю, къ холоду и теплу, къ осужденію и похвалѣ, къ желанію и отвращенію и т. д. Что означаетъ это качество? Оно означаетъ, что жизнь человѣка, понявшаго хотя бы только на одну минуту различіе между преходящимъ и реальнымъ, должна проникнуться чувствомъ мѣры; все мимолетное въ жизни должно занять свое настоящее мѣсто въ цѣломъ. Когда ученикъ созналъ, сколько жизней было уже прожито, и сколько жизней еще передъ нимъ, когда ему выяснилась вся глубина его задачи, все величіе тѣхъ возможностей, которыя раскрылись передъ нимъ, тогда онъ пойметъ, что все, случающееся въ одной мимолетной жизни, вполнѣ ничтожно по сравненію съ его вѣчной жизнью, и горе и забота не будутъ больше занимать его вниманіе, какъ это было, когда онъ сознавалъ лишь одну земную жизнь, ибо онъ сталъ понимать, что онъ переживалъ всевозможныя заботы, и что

тѣ сила и спокойствіе, которыми онъ владѣетъ въ настоящемъ, выросли именно изъ нихъ. И когда къ нему приходитъ радость, онъ знаетъ, что онъ ее уже много разъ переживалъ, и что всѣ ея дары преходящи. Такимъ образомъ, приходитъ-ли къ нему радость или горе, онъ будетъ знать ихъ настоящее мѣсто, ихъ истинное значеніе въ великомъ планѣ жизни. Развиваясь въ сторону безстрастія, онъ не дѣлается менѣе чувствительнымъ: наоборотъ, онъ все болѣе и болѣе сильно чувствуетъ каждый трепетъ міра внѣ себя и въ себѣ, ибо онъ научился звучать въ гармоніи со всѣмъ и сдѣлался болѣе отзывчивымъ на каждый оттѣнокъ міровой жизни, но эти вибраціи потеряли власть надъ нимъ и не могутъ измѣнить его; онѣ не могутъ нарушить его ясность или набросить тѣнь на его миръ. Онъ твердо стоитъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни бури, ни перемѣны, и хотя онъ будетъ ихъ чувствовать, но онѣ не будутъ имѣть власти надъ нимъ; онѣ заняли соотвѣтствующее имъ мѣсто, пріобрѣли тотъ размѣръ, который имъ подобаетъ по отношенію къ душѣ. Какъ-же достигается это спокойствіе, это истинное безстрастіе, которое означаетъ силу?

Прежде всего, оно достигается ежедневнымъ размышленіемъ надъ его значеніемъ и разработкой всѣхъ его деталей, а затѣмъ примѣненіемъ его въ ежедневной жизни. Но проводить это качество въ жизнь слѣдуетъ бережно, не ожесточая себя и не строя вокругъ себя стѣны, а дѣлаясь все болѣе и болѣе отзывчивымъ и поддерживая непоколебимое внутреннее равновѣсіе, несмотря на всѣ внѣшнія потрясенія. Этотъ урокъ не труденъ, но онъ приноситъ такъ много надежды, радости, и такое углубленіе жизни, что стоитъ потрудиться. По мѣрѣ того, какъ душа выростаетъ настолько, что уже не колеблется и вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаетъ каж-

дую вибрацію, она обрѣтаетъ чувство расширяющейся жизни, болѣе полной гармоніи, углубляющагося сознанія и растущаго единства съ цѣлымъ, котораго она есть часть. Чувство одиночества постепенно таетъ и замѣняется той радостью, которая пребываетъ въ сердцѣ вселенной; даже то, что для обыкновеннаго человѣка мучительно, теряетъ свою болѣзненность для ученика, ибо для него оно есть лишь часть міровой жизни, лишь буква въ великой лѣтописи. Онъ въ состояніи безъ скорби въ сердцѣ изучать все его значеніе, ибо надъ нимъ витаетъ миръ, вырастающій изъ раскрывшагося знанія и мѣняющій все его отношеніе къ внѣшнему міру, къ тому, что люди называютъ страданіемъ и лишеніемъ. Такимъ образомъ, размышляя и работая, ученикъ почувствуетъ въ себѣ растущее сознаніе тишины, силы и ясности. Какая-бы буря не бушевала во внѣшнемъ мірѣ, онъ будетъ ощущать тишину; буря не будетъ его потрясать, хотя онъ сознаетъ и чувствуетъ ее. Этотъ миръ есть первый плодъ духовной жизни, проявляющейся прежде всего чувствомъ мира и чувствомъ радости и превращающій всю жизнь ученика въ движеніе вверхъ и вглубь къ Тому, что есть Сердце Любви. Отсюда развивается чувство самообладанія, увѣренность, что внутреннее „я“ сильнѣе внѣшнихъ перемѣнъ; оно не теряетъ свою отзывчивость, но перестаетъ мѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ соприкосновеній. Отъ самообладанія и безстрастія рождается та сила, которая погашаетъ ненависть, та сила, которая является непремѣннымъ условіемъ созиданія характера человѣка, стремящагося стать ученикомъ. Все должно быть введено въ кругъ любви, какъ-бы оно не было отталкивающе и враждебно. Въ сердцѣ вселенной пребываютъ ра-

дость и любовь, и потому ученикъ ничего не можетъ выкинуть изъ круга своего состраданія; онъ долженъ сдѣлаться другомъ всего живущаго, и любовь его должна охватить все, что живетъ и чувствуетъ.

Вкладывая эти камни въ постройку своего характера, ученикъ дѣлается безстрашнымъ: онъ ничего не ненавидитъ, и потому ничто не можетъ нанести ему страданія. Внѣшняя обида есть лишь реакція на внутреннюю вражду. Люди дѣлаются нашими врагами, потому что мы ихъ враги. Мы несемъ въ міръ страданія, и потому все живое доставляетъ намъ страданіе. Вмѣсто того, чтобы приходить съ глубокой любовью, мы вступаемъ въ міръ какъ разрушители, какъ деспоты и ненавистники, стараясь не воспитывать младшихъ, а завладѣвать ими, а между тѣмъ, наша обязанность ихъ вести вверхъ путемъ нѣжнаго вниманія и милосердія. Мы эксплуатируемъ все, что слабѣе насъ, мы слишкомъ часто измѣряемъ свою силу безпомощностью слабыхъ и тѣмъ зломъ, которое можемъ нанести имъ, а затѣмъ мы удивляемся, почему все живое бѣжитъ отъ насъ, и почему насъ встрѣчаетъ страхъ слабыхъ и ненависть сильныхъ. Въ своемъ ослѣпленіи мы не видимъ, что вся ненависть внѣшняго міра есть лишь отраженіе зла, пребывающаго внутри насъ, и что для сердца, исполненнаго любви, нѣтъ ничего ненавистнаго и, слѣдовательно, ничего страшнаго. Человѣкъ исполненный любви можетъ безопасно входить въ джунгли и въ берлоги кровожадныхъ звѣрей. Онъ можетъ взять въ руки змѣю, ибо ничто враждебное не можетъ проникнуть въ обитель любви. Любовь, изливающаяся на міръ, привлекаетъ любовь, а не вражду; такъ тигръ дружески ложится къ ногамъ Іога, и дикіе звѣри приносятъ своихъ дѣтенышей къ ногамъ Святого, прося его

защиты и помощи. Все живое подходитъ къ любящему, ибо все живое — чадо Божье; Богъ есть любовь, и, какъ только въ человѣкѣ любовь совершенна, то все начинаетъ устремляться къ нему.

Такъ мы постепенно научаемся безстрашно шествовать въ мірѣ; многое еще можетъ нанести намъ страданіе, но мы знаемъ, что страдая мы уплачиваемъ долгъ прошлаго, а каждый уплаченный долгъ погашаетъ часть кармической лѣтописи природы. Знаніе дѣлаетъ насъ безстрашными. Страхъ же рождается столько-же отъ сомнѣнія, сколько и отъ ненависти. Познавшій законъ преодолѣваетъ сомнѣнія и потому идетъ твердою поступью. Онъ вступаетъ на твердую почву, на пути его нѣтъ пропастей. Изъ этого сознанія вырастаетъ твердая непоколебимая воля, которая пріобрѣтаетъ увѣренность черезъ любовь.

Проходя черезъ Преддверіе, ученикъ растетъ въ силѣ, и его характеръ принимаетъ опредѣленныя и ясныя очертанія, указывающія на то, что душа его зрѣетъ. Тогда отпадаютъ постепенно всѣ желанія, привязывающія насъ къ низшему міру, всѣ вожделѣнія, неудовлетворенныя въ предыдущей жизни, всѣ оковы, связывающія насъ съ землей; одновременно съ этимъ отпаденіемъ личныхъ желаній совершается отождествленіе съ цѣлымъ. Ученикъ не можетъ быть связанъ земными узами; люди возвращаются на землю, потому что желанія ихъ привязываютъ къ колесу рожденій и смертей, но ученикъ долженъ быть свободенъ, онъ долженъ разбить оковы желаній; и тогда одно лишь можетъ связать его и вернуть къ землѣ — это любовь къ ближнимъ и желаніе имъ служить. Онъ болѣе не привязанъ къ колесу, онъ свободенъ, но онъ можетъ вернуться и повернуть еще разъ колесо ради тѣхъ,

кто еще привязанъ къ нему, и кого онъ не хочетъ покинуть.

Освобождаясь, онъ научается совершенному самоотреченію и узнаетъ, что благо всѣхъ есть и его благо, что помощь всѣмъ есть его единственная цѣль. Онъ пріобрѣтаетъ довѣріе къ себѣ. Идя къ свѣту, онъ научается быть сильнымъ и полагается на то „Я“, которое одно для всѣхъ, и съ которымъ онъ постепенно отождествляетъ себя.

Но есть еще одно испытаніе и, можетъ быть, самое тяжелое въ Преддверіи. Вступая сюда, онъ позналъ неизреченную радость, и ему было легко отвернуться отъ всего того, что даетъ счастье людямъ, но въ Преддверіи его ожидаетъ такое время, когда душа какъ-бы спускается въ пропасть; среди окружающаго его мрака онъ не чувствуетъ соприкосновенія дружеской руки и не ощущаетъ твердой почвы, на которую могли-бы опереться его ноги. Душа проходитъ черезъ такой періодъ роста, когда ничего не осталось на землѣ, что могло-бы удовлетворить или наполнить ея жизнь, когда прежнія дружескія отношенія утеряли свою прелесть, когда земныя радости поблекли, а рукъ, протянутыхъ къ ней, душа не чувствуетъ, и ей кажется, что она находится въ пустомъ пространствѣ безъ единой точки опоры. На душу какъ-бы наброшено густое покрывало иллюзій, и ей кажется, что она брошена безъ помощи. Это та пропасть, которая ожидаетъ каждаго ученика, и черезъ которую онъ долженъ переступить. Когда эта пропасть разверзается, темная и безбрежная передъ душой, душа въ ужасѣ отступаетъ, но ей не слѣдуетъ бояться. Погрузитесь въ самую глубь бездны, и вы найдете ее заполненной. Бросьтесь во мракъ, и вы почувствуете подъ ногами скалу. Опустите руки, удер-

живающія васъ, и другія болѣе могучія руки схватятъ васъ, поведутъ васъ и никогда больше не покинутъ. Земныя узы иногда порываются, рука вашего друга можетъ выронить вашу, но невидимые друзья никогда не покидаютъ, какъ бы міръ не измѣнялся. Смѣло вступайте во мракъ одиночества, и вы увидите, что одиночество только кажущееся, и мракъ обратится въ неугасимый свѣтъ. Когда это испытаніе пережито, оно является иллюзіей, и ученикъ, рѣшившійся погрузиться въ бездну, оказывается на другомъ берегу.

Такъ идетъ созиданіе характера, которое будетъ продолжаться много жизней, съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ воплощеніемъ, облагораживаясь и обрѣтая новую силу. Предыдущимъ анализомъ мы только положили основаніе зданію, и если работа кажется такой исполинской, то только потому, что въ умѣ архитектора, набрасывающаго планъ, уже стоитъ все законченное зданіе, по образцу котораго онъ и строитъ.

Какова-же конечная цѣль? Словами трудно передать конецъ этой работы. Кисть художника, облеченная въ блѣдныя краски земли, не въ состояніи передать и тѣни той красоты совершеннаго идеала, до котораго, мы знаемъ, намъ суждено подняться. Но не было-ли у васъ мгновеннаго прозрѣнія минуты тишины, не видали-ли вы отраженія этой красоты, когда и земля и небо затихали? Не озарялъ-ли васъ хоть на мгновеніе образъ Тѣхъ, которые, хотя и продолжаютъ жить въ нашемъ мірѣ, уже вступили на ступень сверхчеловѣчества? Такимъ будетъ каждый человѣкъ, когда онъ вступитъ въ святилище Храма. Если у васъ когда либо въ тихія минуты было такое мгновенное видѣніе, то вамъ не нужно словъ. Вы знаете, какимъ состраданіемъ вѣетъ отъ такого Существа, сіяющаго божест-

веннымъ совершенствомъ, какая удивительная нѣжность исходитъ отъ Него, когда Онъ обращается и къ самому низкому и къ самому высокому творенію, признавая самыя слабыя усилія на ряду съ самымъ великимъ подвигомъ — Онъ даже нѣжнѣе къ слабому, чѣмъ къ сильному, потому что слабый болѣе нуждается въ непреходящей любви, любви, которая кажется не божественной лишь потому, что она такъ удивительно человѣчна, и въ такой любви мы понимаемъ, что человѣкъ и Богъ одно. За этой нѣжностью скрывается сила, которую ничто не можетъ потрясти, сила, на которой строится вселенная сила, соединенная съ безграничнымъ состраданіемъ. Какъ могутъ эти свойства быть въ одномъ существѣ и сочетаться въ такомъ абсолютномъ совершенствѣ? Отъ этого видѣнія излучается сіяніе той радости, что побѣдила и желала-бы со всѣми раздѣлить свое счастье, солнечное сіяніе, незнающее тѣни, слава побѣды, убѣжденная въ томъ, что всѣ побѣдятъ; это радость очей, видящихъ дальше печали, знающихъ, что за скорбью пребываютъ нѣжность, сила, радость и глубочайшій миръ безъ малѣйшаго облака, ясность, которую ничто не можетъ затуманить. Таково Божественное видѣніе, таково прозрѣніе того идеала, который вамъ суждено со временемъ осуществить.

Мы осмѣливаемся поднять такъ высоко свой взоръ потому, что Учителя еще ступаютъ по нашей землѣ. Они высоко поднялись надъ нами и все-же стоятъ около своихъ братьевъ. Если Они насъ такъ далеко опередили, все-же Они насъ не оставили: все человѣчество пребываетъ въ сердцѣ Учителя, а мы — дѣти этого человѣчества, и потому имѣемъ право мечтать, что и мы пребываемъ въ Его сердцѣ.

Глава IV.

Духовная Алхимія.

Мы разсмотрѣли тѣ душевныя состоянія, при которыхъ ученикъ работаетъ одновременно надъ очищеніемъ своихъ мыслей и создаетъ свой характеръ, или вѣрнѣе — закладываетъ его фундаментъ. Мы видѣли, что вступающій въ Преддверіе и поставившій передъ собою такую великую задачу, не переходитъ отъ одной работы къ другой, а скорѣе трудится одновременно надъ всей своей природой, чтобы обуздать ее, воспитать и направить къ поставленной цѣли.

Теперь представимъ себѣ, что ученикъ обратился къ другой части своей великой задачи — къ духовной алхиміи. Употребляя это выраженіе, я имѣла въ виду процессъ превращенія, трансмутаціи, на подобіе того процесса, посредствомъ котораго алхимикъ малоцѣнный металлъ превращаетъ въ болѣе дорогой, напр., мѣдь въ золото. Этотъ процессъ происходитъ до извѣстной степени въ душѣ и въ жизни каждаго вдумчиваго и религіознаго человѣка. Но у ученика этотъ процессъ дѣлается вполнѣ сознательнымъ и опредѣленнымъ. Процессъ духовной алхиміи можно было бы опредѣлить, какъ превращеніе силъ. Каждый чело-

вѣкъ имѣетъ въ себѣ жизнь, энергію и силу воли. Надъ этими силами онъ долженъ работать; черезъ нихъ онъ долженъ достигнуть своей цѣли. Процессомъ, который съ полной справедливостью можно назвать алхимическимъ, онъ низшія и болѣе грубыя силы превращаетъ въ болѣе тонкія и одухотворенныя. Онъ не только измѣняетъ ихъ направленіе, онъ передѣлываетъ и очищаетъ ихъ, но, не касаясь ихъ сущности, точно такъ же, какъ алхимикъ проводилъ грубую руду черезъ процессъ очищенія: онъ не ограничивался удаленіемъ шлаковъ, но подвергалъ металлъ дальнѣйшему очищенію, которое доводило его до болѣе тонкаго, исключительнаго состоянія, изъ котораго алхимикъ могъ получить болѣе благородный и высокій типъ металла. Точно также духовный алхимикъ обращается къ силамъ своей природы, признаетъ ихъ нужными и необходимыми, но сознательно измѣняетъ, очищаетъ и утончаетъ ихъ. Для насъ особенно интересенъ методъ утонченія, методъ, которымъ можетъ быть осуществлена задача алхимика.

Но цѣль духовной алхиміи не только это преображеніе силъ. Желаніе привязываетъ душу къ земной жизни, къ колесу рожденій и смертей. Ее сковываетъ невѣдѣніе, стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ, къ обособленнымъ радостямъ. Если душа постоянно занята дѣйствіями, то эти дѣйствія, будутъ ли они сами по себѣ хороши или дурны, полезны или вредны, связываютъ душу, ибо въ обыкновенномъ человѣкѣ дѣйствіе рождается отъ желанія, а желаніе накладываетъ оковы, но пока человѣкъ остается въ мірѣ, онъ долженъ продолжать дѣйствовать, иначе прекратилось бы само проявленіе. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ дѣлается болѣе благороднымъ, мудрымъ и сильнымъ, его

дѣятельность становится все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ въ міровомъ процессѣ. Если бы величайшіе изъ представителей человѣчества перестали дѣйствовать, тогда остановился бы прогрессъ всей расы, и эволюція была бы неизбѣжно замедлена.

Какимъ же образомъ душа, продолжая дѣйствовать, можетъ стать свободной? Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ духовной алхиміей, посредствомъ которой самый великій человѣкъ можетъ быть и самымъ дѣятельнымъ въ служеніи: служеніе уже не будетъ связывать его, и, такимъ образомъ, оправдывается парадоксъ, что служеніе и полнѣйшая свобода могутъ совмѣщаться. Выраженіе „духовная алхимія“, какъ путь къ самой свободѣ, есть только намекъ на основной Законъ Жертвы, тотъ великій законъ, который лежитъ въ основѣ всей проявленной вселенной, и который постоянно выражается въ столь разнообразныхъ формахъ и такъ сложно, что легко впасть въ ошибку. Легче всего ошибиться въ выраженіяхъ, потому что многогранную истину человѣческій умъ видитъ въ различныхъ аспектахъ; въ особенности она двойственна въ зависимости отъ того, смотримъ ли мы на нее сверху или снизу. Закону Жертвы, который управляетъ вселенной, подчиняется каждый атомъ, ибо онъ есть выраженіе проявленной божественной жизни. И тому, кто въ рѣчи своей касается этого закона, и тому, кто слушаетъ рѣчь, чрезвычайно трудно представить его себѣ во всей его полнотѣ. Истина можетъ проявиться или со стороны матеріи или со стороны духа. Мы можемъ взглянуть на нее какъ бы изнутри или извнѣ и потому можемъ нѣчто утерять. По отношенію къ такому великому вопросу, какъ Законъ Жертвы, это особенно сильно чувствуется.

Прежде всего возьмемъ низшій аспектъ этого закона, проявляющійся во всѣхъ мірахъ. Онъ выражается въ проявленной природѣ, какъ бы запечатлѣнный въ Космосѣ; онъ дѣйствуетъ въ мірахъ физическомъ, астральномъ, ментальномъ и. т. д.; онъ создаетъ извѣстную связь между всѣмъ живущимъ, не только между всѣми земными существами, но также между ними и всѣмъ живымъ въ окружающихъ насъ мірахъ. Понявъ этотъ низшій аспектъ закона, мы можемъ вынести чрезвычайно полезный урокъ, который озаритъ нашу работу въ Преддверіи.

Довольно правильно будетъ сравнить жертву въ низшихъ мірахъ съ процессомъ обоюднаго служенія или обмѣна, постояннаго вращенія колеса жизни, при которомъ каждый и беретъ и даетъ. Никто не можетъ избѣгнуть брать и потому не долженъ отказываться давать. Въ этомъ неустанномъ вращеніи колеса жизни участвуетъ сознательно или безсознательно все живущее; чѣмъ болѣе развито существо, тѣмъ сознательнѣе его участіе. Можетъ быть, нигдѣ такъ ярко не выясняется это участіе, какъ въ Священномъ Индусскомъ Писаніи — Пѣсни Господней [1]), въ которомъ разбирается вопросъ о жертвѣ въ связи съ дѣятельностью. Великій Учитель говоритъ: „Міръ скованъ всѣми дѣйствіями, кромѣ совершенныхъ жертвы ради; ради жертвы свободно и ты выполняй свои дѣйствія, о, сынъ Кунти!“ (Бх. Гита, III пѣснь), а затѣмъ, возвращаясь къ прошлому, чтобы совершенно выяснить великій кругъ взаимнаго служенія, Учитель говоритъ: „Въ началѣ актомъ жертвы были созданы люди, и Господь сказалъ: „Жертвой размножайтесь; да будетъ она источникомъ

---

[1]) Бхагавадъ-Гита. *Прим. ред.*

желаній. Ею питайте Свѣтозарныхъ, и да питаютъ Они васъ! Питая другъ друга, вы достигнете высшаго блага. Питаемые жертвой, Лучезарные ниспошлютъ вамъ желанное. Воистину тотъ воръ, кто на дары не отвѣчаетъ дарами... Отъ пищи создаются твари; отъ дождя происходитъ пища; дождь возникаетъ отъ жертвы; жертва рождается отъ дѣйствія. Знай, что отъ Брахмы происходитъ дѣйствіе, а Брахманъ — отъ Вѣчнаго. Потому вездѣсущій Брахманъ вѣчно пребываетъ въ жертвѣ. Тотъ, кто здѣсь не слѣдуетъ вращенію колеса, живя въ грѣхѣ и наслаждаясь чувственно, тотъ живетъ напрасно, о, Партха!"

Въ основѣ всѣхъ религій мы находимъ это колесо жизни, и чѣмъ чище и благороднѣй религія, тѣмъ чище и благороднѣй идея жертвы въ ней. Замѣтьте, какъ въ приведенномъ Священномъ Писаніи ясно приводится алхимическая идея неустаннаго превращенія; пища превращается въ существа, но для того, чтобы была пища, дождь долженъ превратиться въ пищу; для того, чтобы палъ дождь, должна быть принесена жертва, а боги питаютъ насъ. Эти мысли мы постоянно встрѣчаемъ въ древнихъ религіяхъ. Такъ, напримѣръ, Брахманъ бросаетъ свою жертву въ огонь, ибо уста боговъ суть огонь (Агни), и въ древніе дни бросаніе жертвы въ огонь сопровождалось пѣніемъ мантръ. Ихъ произносили люди, знавшіе, что они дѣлаютъ, и мантры дѣйствовали какъ слова — силы на низшія силы природы. Такая жертва регулировала многія силы природы, дающія людямъ питаніе. Хотя дѣяніе само по себѣ было символъ, то, что выражалось символомъ, было реально, и сила, исходившая изъ устъ очищеннаго и просвѣтленнаго человѣка, была также реальная сила. Цѣль символа была указать народу на это ко-

лесо жизни, заставить его понять, что дѣяніе по сути своей есть жертва и должно совершаться, какъ жертва. Оно должно совершаться какъ долгъ, потому что оно справедливо, а не по какимъ либо инымъ мотивамъ; оно должно совершаться, чтобы человѣкъ былъ въ гармоніи съ закономъ, ибо его отвѣтъ этому закону — участіе въ общей работѣ. Въ этомъ ученіи о жертвѣ — узелъ единенія, золотая нить, связывающая все сущее въ этомъ проявленномъ мірѣ. Такъ какъ корень жертвы есть дѣйствіе, а дѣйствіе исходитъ отъ проявленнаго Бога, — Онъ есть то, что проявляется, — то въ Св. Писаніи говорится, что каждая жертва проникнута Брахманомъ, и что каждое дѣйствіе можетъ совершаться въ мірѣ какъ долгъ, безъ желанія личныхъ плодовъ, безъ желанія какой бы то ни было корыстной цѣли. Позже является та низшая эгоистичная точка зрѣнія, съ которой со временемъ была связана идея жертвы. Сущность алхиміи, преображающей дѣянія въ жертву, сжигающей вновь желанія и освобождающей мудраго, состоитъ въ этомъ актѣ вращенія колеса, въ исполненіи долга ради долга. Сгорая въ огнѣ мудрости, дѣяніе теряетъ свою порабощающую силу надъ душою; душа становится сотрудницей божественнаго закона природы, и каждое дѣяніе, возложенное на алтарь долга, становится силой, вращающей колесо жизни, но не имѣющей власти надъ душой.

Этотъ постоянный обмѣнъ, это обоюдное служеніе есть форма великаго закона жертвы; происходитъ такое преображеніе, что дѣяніе, совершенное какъ долгъ, становится частью вселенской гармоніи, двигаетъ впередъ эволюцію, помогаетъ подниматься человѣчеству. Въ Преддверіи ученикъ долженъ научиться всѣ свои поступки выполнять въ этомъ духѣ жертвы, не тре-

буя ничего для себя, не ища ничего, не надѣясь на плоды, не ожидая награды, совершая дѣяніе только потому, что оно должно быть исполнено. Тотъ кто это дѣлаетъ, дѣйствительно, совершаетъ работу духовной алхиміи, въ которой дѣяніе очищается огнемъ мудрости. Онъ находится въ сознательной гармоніи съ божественной волею въ проявленной вселенной, становится силой для эволюціи, и вся раса пожинаетъ плоды его поступковъ, которые могли бы принести награду только ему одному, связавъ его душу. Такъ дѣйствуетъ законъ жертвы въ своемъ низшемъ аспектѣ.

Теперь перейдемъ къ высшему аспекту и попытаемся понять, что въ сущности означаетъ жертва въ своей сокровенной сути. Съ той точки зрѣнія, съ которой мы все болѣе и болѣе будемъ смотрѣть на нее, по мѣрѣ того, какъ будемъ подниматься къ божественной жизни, жертва есть даваніе или изліяніе; она родится изъ желанія давать. Суть ея въ томъ, что обладающій чѣмъ либо цѣннымъ желаетъ подѣлиться этимъ съ другими, на помощь и на радость имъ. Съ внутренней стороны жертва есть даръ, изліяніе души ради счастья другихъ, и потому по своему существу она радостна, а не скорбна. Самое сердце жертвы есть свободный даръ, предлагаемый душою, стремящейся излиться, раздѣлить свое блаженство, отдать себя другимъ, такъ чтобы радость ея и ихъ была общая. Почему радость? Вернемся къ самому сердцу проявленія. Божественный актъ жертвы былъ самоограниченіемъ единаго Бытія, изъ котораго родился проявленный Логосъ. Объ этомъ актѣ иногда говорится, какъ объ „агоніи Логоса“. Но что такое Логосъ? Это есть проявленный Брахманъ, а природа Брахмана — блаженство, какъ говорятъ намъ древнія Священныя

писанія. Основною нотой самой древней арійской религіи было блаженство Брахмана; по пути своего восхожденія къ Брахману душа, сбрасывая одну за другою всѣ свои оболочки, остается наконецъ облеченной въ послѣднюю, именуемую „одеждой блаженства“. Въ индусской Раджа Іогѣ изучаемые проводники, черезъ которые душа проявляетъ себя въ мірахъ, показываютъ, какъ постепенно душа сбрасываетъ съ себя тѣлесную оболочку, затѣмъ болѣе тонкое тѣло, затѣмъ тѣло желанія и тѣло ума. Приближаясь къ Брахману, которому она подобна, она, въ концѣ концовъ, отъ него отдѣляется лишь самой тонкой оболочкой, которая сохраняетъ ея индивидуальность со всей жатвой истекшихъ вѣковъ. Эта оболочка и называется „оболочкой блаженства“, потому что по пути Іоги, въ сліяніи съ божественнымъ, душа освобождается отъ всего и испытываетъ одно блаженство. На этихъ вершинахъ не можетъ быть жертвы, которая не была бы актомъ радости. Отъ этого божественнаго источника, который есть блаженство, родилась вселенная; изъ этого Бытія, которое себя ограничило, изошелъ самъ Логосъ. Цѣлью этого самоограниченія было — излить блаженство своей Сущности такъ, чтобы по завершеніи всего цикла жизни было бы много индивидовъ лучезарныхъ и радостныхъ, которые могли бы участвовать въ этомъ совершенномъ, все растущемъ блаженствѣ; страданіе заключается только въ отдаленіи отъ него вслѣдствіе окутывающаго душу невѣдѣнія.

Итакъ, законъ жертвы имѣетъ божественное начало, основывается на божественной природѣ. Вселенная родилась изъ акта любви, и потому корень жертвы есть радость, соединеніе многихъ съ собою, и конецъ всего будетъ миръ неизреченный; слѣдовательно, намъ

легко понять двойственный аспектъ закона жертвы, аспектъ даванія, который есть радость, и аспектъ лишенія себя, который есть скорбь для низщей природы, желающей схватить, а не давать. Такова великая тайна жертвы: самая высокая радость есть актъ даванія, потому что его суть та же, что и божественной природы. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ становится самимъ собою, онъ въ своемъ самосознаніи дѣлается божественнымъ, все больше и больше радостнымъ и все болѣе способнымъ передавать радость другимъ. По мѣрѣ того, какъ высшая природа развивается, растетъ блаженство. Страданіе возникаетъ только отъ борьбы низшей природы, борьбы опутаннаго невѣдѣніемъ и заблужденіемъ „я“. Слѣдовательно цѣль страданія — освободитъ насъ отъ невѣдѣнія. Весь процессъ роста и эволюціи есть освобожденіе отъ невѣдѣнія; наша низшая природа ощущаетъ этотъ процессъ, какъ страданіе и борьбу, но, по мѣрѣ того, какъ въ насъ развивается настоящій человѣкъ, сознательно дѣятельный и способный дать себѣ выраженіе и въ низшей природѣ, онъ будетъ все больше и больше сознавать, что суть его нравственныхъ усилій заключается въ томъ, чтобы проявленіемъ радости и мира помочь скорбному міру. Постепенно онъ заставитъ низшую природу проникнуться его убѣжденіемъ и, постепенно очищаясь отъ невѣдѣнія, она становится способной воспринять вмѣсто иллюзіи реальность.

Почему же постоянно связываютъ идею страданія съ жертвой? Почему ихъ такъ отождествили мысленно, что самое слово „жертва“ вызываетъ въ умѣ представленіе о мучительной агоніи? Корень этой ошибки лежитъ въ низшей природѣ. Вся ея первоначальная дѣятельность направлена на то, чтобы хватать, брать,

хранить для себя одной. Когда человѣкъ съ неразвитымъ еще высшимъ „Я“ приходитъ въ этотъ міръ для собиранія опыта, онъ имѣетъ еще очень мало вліянія на свою низшую природу, и она погружается въ міръ ощущеній, хватаясь за все, что ей кажется привлекательнымъ, ничего не зная о природѣ вещей, увлеченная просто внѣшнимъ видомъ ихъ, совершенно не вѣдая, что скрыто подъ обманчивой поверхностью. Эти ранніе и долго повторяемые опыты низшей природы заключаются въ постоянной погонѣ за призрачными наслажденіями и въ постоянномъ разочарованіи при открытіи, что эти радости не приносятъ все то удовлетвореніе, о которомъ человѣкъ мечталъ. Страдая, человѣкъ постигаетъ природу закона, постигаетъ временную природу желаній и призрачность удовлетворенія животной природы. Такимъ образомъ, и страданіе, и радость ведутъ къ познанію. Испытывая обѣ эти стороны проявленной природы, душа обрѣтаетъ познаніе о реальности, лежащей въ основѣ вещей. Опытъ бываетъ скорбный, но онъ преображается въ знаніе, а знаніе преображается въ мудрость, которая дѣлается руководителемъ души. Раскрывающееся „я“ человѣка начинаетъ понимать свою сущность, и пониманіе это, преображенное въ мудрость, дѣлается источникомъ чистой и невозмутимой радости. Мудрость его растетъ, потому что растутъ зрѣніе, ясность и сила; то, что тяжело низшей природѣ, встрѣчается спокойно, какъ приносящее опытъ, и каждый разъ, когда страстно желанное наслажденіе принесло истинному человѣку разочарованіе и усталость, онъ этотъ опытъ претворяетъ въ мудрость. Съ этой точки зрѣнія, само страданіе имѣетъ свою радостную сторону, ибо въ опытѣ человѣкъ видитъ не временное страданіе низ-

шей природы, а обрѣтеніе знанія высшею. Онъ понимаетъ, что этотъ опытъ обусловливаетъ его ростъ въ знаніи и силѣ; онъ его принимаетъ радостно и сознательно, зная цѣль, зная, что золото выходитъ изъ огня.

Но если мы обратимся къ обыкновенному человѣку, ослѣпленному невѣдѣніемъ въ низшемъ мірѣ, неустанно учащемуся суровымъ и тяжелымъ урокамъ, ищущему животнаго удовлетворенія, пренебрегающему благомъ другихъ, не думающему о страданіи, наносимомъ другимъ, шагающаго безпечно черезъ другихъ ради своего личнаго удовлетворенія; несомнѣнно, такой человѣкъ, видя, какъ неизбѣжно разбивается его наслажденіе, чувствуетъ прежде всего острую боль, горькое разочарованіе, печаль и усталость. Съ точки зрѣнія такого человѣка опытъ несомнѣнно есть нѣчто скорбное; съ высшей же — опытъ стоитъ страданія, ибо несетъ мудрость, глубокое проникновеніе въ природу и познаніе закона. Низшая и высшая природа находятся въ конфликтѣ; высшая должна работать черезъ низшую, а низшая не понимаетъ цѣли высшей. Безъ помощи низшей природы высшая не можетъ достигнуть цѣли, и потому происходитъ взаимная борьба: высшая природа пытается насильно двинуть низшую или сдержать ее, а низшая это ощущаетъ, какъ насиліе надъ собой, какъ отнятіе у нея желаннаго. Но по мѣрѣ того, какъ высшая природа воздѣйствуетъ на низшую, послѣдняя начинаетъ понимать, что все хорошо, что опытъ стоитъ страданія, ибо путемъ этихъ скорбныхъ усилій человѣкъ обрѣтаетъ силу, и преходящее страданіе теряется въ радости осуществленія. Такимъ образомъ, когда душа развилась, въ ней происходитъ двойственная работа ума; ученикъ добровольно и сознательно выбираетъ трудную вещь, потому что сознаетъ

всю ея желательность, но онъ долженъ пожертвовать ей нѣкоторыми низшими желаніями, и онъ ихъ сжигаетъ въ огнѣ познанія. Тогда онъ видитъ, что, сжигая эти низшія желанія, онъ сжигаетъ и связывающія его оковы и задерживавшія его слабости, онъ понимаетъ, что мучительное прикосновеніе огня есть ничто, какъ сжиганіе его цѣпей. Тогда онъ радостно принимаетъ свободу, и съ каждымъ повторяющимся опытомъ онъ все больше ощущаетъ свободу и все меньше страданіе. Внутреннимъ проникновеніемъ страданіе преображается въ радость; снова дѣйствуетъ божественная алхимія; изливаясь на низшее, высшее дѣлитъ съ нимъ свою радость, свое чувство непреходящаго и все возрастающаго блаженства. При приближеніи къ Храму душа постигаетъ, что въ сущности это — процессъ освобожденія отъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя мѣшаютъ ей чувствовать свое единство съ своими братьями и съ божественнымъ Я. Когда, такимъ образомъ, истинный, духовный человѣкъ проявляется, то сжиганіемъ оковъ постигается божественная радость: страданіе оказывается вопросомъ обособленія, имѣвшемъ свой корень въ невѣдѣніи; съ прекращеніемъ невѣдѣнія кончается и страданіе. Познавъ, что ограниченія призрачны и не имѣютъ мѣста въ мірѣ, гдѣ пребываетъ истинный человѣкъ, ученикъ сознательно начинаетъ преображать способности низшей природы и алхимическимъ процессомъ все болѣе утончаетъ и облагораживаетъ ихъ.

Для примѣра возьмемъ два случая. Сперва возьмемъ одинъ изъ величайшихъ источниковъ страданія въ низшемъ мірѣ; исканіе личной своей радости безъ вниманія къ желаніямъ и чувствамъ другихъ, желаніе обособленнаго наслажденія въ маленькомъ кружкѣ,

охраняемомъ отъ всего міра для этого ограниченнаго наслажденія низшаго я. Какъ справится душа съ этимъ инстинктивнымъ исканіемъ наслажденія? И нѣтъ-ли въ немъ чего-либо такого, что въ огнѣ способно превратиться въ цѣнность? Дѣйствительно, приводящее къ страданію исканіе удовольствія можетъ преобразиться въ способность распространять радость, въ которой всѣ могутъ участвовать. Это преображеніе душа совершаетъ тѣмъ, что въ своемъ исканіи радости она постепенно отбрасываетъ элементы отчужденія, непрестанно борясь съ желаніемъ обособиться, разрушая невѣдѣніемъ воздвигнутую стѣну и сжигая ее до тла, такъ чтобы она больше не раздѣляла душу отъ другихъ „я". Когда же обрѣтается радость, о которой мечтала душа, человѣкъ спѣшитъ подѣлиться ею со всѣми своими братьями. Воистину душа обрѣтаетъ радость въ исканіи послушанія; ибо въ мірѣ, гдѣ все законъ, гармонія съ закономъ должна всегда приносить миръ и счастье, а душевный рязладъ есть показатель нарушенія гармоніи съ закономъ. Растущая душа, достигнувъ извѣстной духовной силы и знанія истины, будетъ воспитывать себя въ убѣжденіи, что радость обладанія лежитъ не въ захватѣ, а въ даваніи; она знаетъ, что должна сломить всѣ стѣны, воздвигнутыя кругомъ себя въ дни невѣдѣнія и излить свою радость на весь міръ. Такъ инстинктъ исканія личныхъ радостей превращается въ способность распространять радость; то, что давало прежде удовольствіе въ отчужденіи, превратилось въ радость общую и стало яснымъ, что нѣтъ ничего цѣннаго кромѣ того, что можно отдать. Эта радость даванія и есть истинная суть жертвы, какъ изливаніе того, что утеряло бы всякую цѣну въ границахъ обособленнаго „я".

Возьмемъ другой примѣръ духовной алхиміи: эгоистическую любовь. Это нѣчто выше инстинктивнаго исканія удовольствія, ибо само слово любовь уже указываетъ на нѣкоторый актъ даванія, иначе это не была бы любовь. Но это все же можетъ быть еще очень эгоистичная любовь, любовь, которая пытается не столько давать, сколько получить, и являетъ собой потому некрасивые придатки исключительности, ревности, желанія исключить другихъ и хранить любимый предметъ для одного себя, какъ бы ограничить солнце, чтобы удержать его сіяніе только для себя, такъ чтобы никто другой не пользовался его лучами.

Но какъ можетъ измѣниться эгоистическая любовь? Не уменьшеніемъ любви, какъ это ошибочно думаютъ нѣкоторые люди, не дѣлая ее холоднѣе или жестче, если вообще возможно, чтобы любовь была холодною или жесткой, а привѣтствуя любовь, пытаясь сознательно освободить ее отъ унижающихъ ее элементовъ. Внимательно слѣдя за низшимъ „я“, душа мгновенно разрушаетъ стѣну исключительности, которую это „я“ пытается воздвигнуть; она спѣшитъ подѣлиться съ другими тѣмъ, что хотѣла бы сохранить только для себя, какъ особенно цѣнное, и, когда это „я“ пытается вырвать любимое у другихъ, душа его отдаетъ, чтобы другіе могли также участвовать въ ея радости. Душа должна понять, что все прекрасное и радостное должно быть отдано всѣмъ, чтобы всѣ имѣли бы счастье прикоснуться къ этой радости, и тогда всѣ грубые элементы постепенно исчезнутъ. Когда возникнетъ эгоистичное чувство, оно будетъ сознательно отброшено; если явится ревность, то она будетъ сразу изгнана, и настроеніе, которое сказывалось, какъ „останемся одни и будемъ

наслаждаться" преобразится въ настроеніе: „пойдемъ вмѣстѣ въ міръ, чтобы подѣлиться съ другими тою радостью, которую мы вмѣстѣ обрѣли". Такимъ процессомъ алхиміи любовь станетъ божественнымъ состраданіемъ и распространится на весь міръ, и прежняя радость получать отъ любимаго станетъ наслажденіемъ давать. Любовь, которая когда-то была эгоистичной любовью одного мужчины къ одной женщинѣ, расширилась затѣмъ на кругъ домашнихъ, на жизнь общины, на жизнь націи, на жизнь расы; наконецъ, она расширится такъ, что будетъ заключать въ себѣ все, что живетъ во вселенной. Такая любовь ничего не утеряла въ глубинѣ, силѣ и беззавѣтности, она только распространила на вселенную то, что отдавала одному единственному сердцу и стала океаномъ состраданія, обнимающимъ собою все, что чувствуетъ и живетъ. Такова алхимія любви.

Такъ можно перебрать и разобрать качества низшей природы, и мы увидимъ, что весь алхимическій процессъ состоитъ въ освобожденіи отъ обособленности, въ сознательномъ, волею и знаніемъ направленномъ сжиганіи этой обособленности; и какъ мало еще ни понимаетъ иногда ослѣпленное я, но для истиннаго человѣка весь этотъ процессъ даетъ только радость. Разъ это постигнуто, страданіе теряетъ свой характеръ страданія и становится радостью; даже при ясномъ ощущеніи того, что обыкновенно есть скорбь, радость беретъ верхъ и побѣждаетъ страданіе, ибо душа уже видитъ и низшая природа начинаетъ постигать конечную цѣль своей работы.

Углубляясь въ этотъ анализъ, мы понимаемъ, что это преображеніе можетъ совершаться еще инымъ путемъ: по мѣрѣ того, какъ огонь мудрости и любви,

которыя составляютъ божественную природу человѣка, все больше проникаетъ въ низшую, сжигая ея ограниченія и преображая ихъ по своему подобію, также освобождается и духовная энергія, духовная мощь. Чудеснымъ процессомъ алхиміи „Высшее Я“ обрѣтаетъ способность проявить себя въ низшей природѣ, и человѣкъ являетъ новыя способности и силы; своимъ огнемъ любви и мудрости душа освобождаетъ новую энергію, сжигая низшее, она даетъ волю высшимъ силамъ. Результатомъ является раскрытіе духовной жизни, освобожденіе того, что было сковано и не могло проявиться, и что теперь, послѣ сожженія внѣшней оболочки, получило просторъ для работы въ мірѣ.

Вмѣстѣ съ восхожденіемъ души на высшіе планы и съ сознаніемъ тождества и единства всего сущаго, мы начинаемъ смутно постигать великую истину: въ силу своего единства съ другими душами человѣкъ можетъ дѣлиться съ ними и помогать имъ; отказавшись отъ своей радости, онъ испытаетъ счастье, ибо онъ и міръ одно. Все, что можетъ быть названо наградой духовнаго совершенствованія, возможность духовнаго отдыха, блаженства и роста, все, чѣмъ нельзя подѣлиться съ другими, все это можетъ сдѣлаться предметомъ радостнаго отреченія въ силу потребности души все обрѣтенное отдать на помощь всей человѣческой эволюціи. Такъ „ученики“ отказываются отъ Девакана, и Архаты отказываются отъ Нирваны; это значитъ, что они достигли той точки самоотождествленія себя съ братьями, когда для нихъ дѣлается божественной потребностью подѣлиться обрѣтеннымъ съ другими: настоящая ихъ награда состоитъ не въ блаженствѣ Девакана и Нирваны, а въ радости отказаться отъ

достигнутаго наслажденія во имя всѣхъ, ради помощи общей эволюціи, ради подъема человѣческаго рода, котораго они составляютъ часть.

Затѣмъ душа начинаетъ также понимать, какъ мы можемъ помогать. Когда человѣкъ, въ прошломъ сѣявшій страданія, изнемогаетъ подъ тяжестью нарушеннаго закона, принесшаго ему скорбь, ученикъ начинаетъ познавать, что его страждущая душа и онъ составляютъ одно на планѣ Реальности, и поэтому онъ будетъ стремиться не снять съ сѣятеля долгъ, а вдохнуть въ него силу. Тяжесть несется тѣмъ, кто ее уготовилъ, жатва собирается сѣятелемъ, но душа наполняется новой силой, новой жизнью, новымъ пониманіемъ, которыя ей помогаютъ исполнить свою задачу, внося въ работу новое настроеніе. Одна изъ величайшихъ наградъ растущей души, ничего не требующей себѣ, кромѣ права служить, состоитъ въ томъ, что ей бываетъ дано вдохнуть въ другую изнемогающую и болѣе слабую душу божественное мужество, утѣшеніе и пониманіе, а съ ними надежду и силу нести свой крестъ. Помощь заключается не въ снятіи съ души уготованной ноши, которую ей слѣдуетъ нести, но въ укрѣпленіи борющейся души внесеніемъ въ нее той силы, которая рождается отъ пониманія сути вещей. Въ этомъ пониманіи боль налагаемаго наказанія превращается въ терпѣливое несеніе заслуженнаго страданія, и изъ него извлекается урокъ. Осѣненная новымъ пониманіемъ, душа просвѣтляется въ то время, когда еще несетъ ношу своей кармы; данный ей даръ даетъ ей силу на будущую борьбу, ибо онъ изливается какъ божественная жизнь съ того плана, гдѣ всѣ души составляютъ одно. Этотъ планъ исполненъ духовной энергіей, изливающейся въ міръ черезъ тѣхъ, кто позналъ

божественную радость этого изліянія, и для которыхъ не существуетъ высшей награды, какъ помощь въ подъемѣ братьевъ къ Свѣту.

Но почему же такъ жутко бываетъ въ Преддверіи при мысли о раскрывающемся Пути въ самомъ Храмѣ? Почему названъ онъ „Скорбной Стезей", когда съ каждымъ шагомъ Путь все больше и больше сіяетъ блаженной радостью? Вспомнимъ, для кого вначалѣ этотъ Путь долженъ быть „Стезею Скорби". Вспомнимъ, что быстро поднимаясь въ гору, опережая обыденную человѣческую эволюцію, результаты, которымъ суждено было сказаться въ теченіе многихъ жизней, неизбѣжно какъ-бы сосредоточиваются на нѣсколькихъ воплощеніяхъ, и на этомъ краткомъ протяженіи времени карма прошлаго обрушивается на человѣка съ удвоенной потрясающей силой. Когда впервые, такимъ образомъ, душа становится лицомъ къ лицу со всей своей кармой, потрясающая сила испытанія заставляетъ ее страдать такъ, какъ она никогда еще не страдала. Но и въ этомъ случаѣ не душа чувствуетъ скорбь, а низшая природа, все еще ослѣпленная и насильно вѣдомая высшей. Даже въ этотъ часъ горькаго испытанія, когда все накопившееся за многія жизни встрѣчаетъ душу, дерзнувшую бросить вызовъ своей душѣ, душа чувствуетъ себя въ обители мира и радуется, что быстро совершается то, что иначе растянулось бы на долгія жизни; она радуется, что въ большомъ, но краткомъ огнѣ остатки прошлаго всецѣло очищаются, давая душѣ свободно подниматься къ единственной желанной жизни.

Эта Стезя была названа „Стезею Скорби". Съ низшей точки зрѣнія это справедливо, ибо, вступая на нее, люди отказываются отъ многаго, что міру кажется

радостнымъ, отъ наслажденія чувствъ и всѣхъ видовъ удовольствія, которые большинству людей кажутся цвѣтами жизни. Но рѣшившаяся подниматься душа потеряла къ нимъ вкусъ и не желаетъ ихъ больше: она ищетъ неувядающихъ, непреходящихъ радостей. Съ одной стороны это Путь отреченія; съ другой — это отреченіе есть полнота радости, мира и счастья. Это не есть выборъ скорби вмѣсто радости; это есть отказъ отъ преходящаго счастья ради вѣчнаго блаженства, отреченіе отъ того, что могутъ отнять внѣшнія условія ради внутренняго богатства самой души, котораго не могутъ похитить никакіе разбойники: эту радость земныя событія не могутъ ни осквернить, ни затуманить, ни скрыть. Чѣмъ дальше по Стезѣ подвигается душа, тѣмъ глубже становится ея радость, ибо корень скорби въ невѣдѣніи. Правда, часто знанію предшествуетъ острое страданіе, но это именно потому, что нѣтъ еще знанія. Печаль сжимаетъ сердце тѣхъ, кто ради страдающаго міра посвятилъ себя исканію Пути и видитъ горе всѣхъ этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые вѣкъ за вѣкомъ возвращаются на землю и все не знаютъ, почему они страдаютъ; въ нихъ вонзилось жало невѣдѣнія, которое есть истинная сущность скорби. Зрѣлище погруженнаго въ невѣдѣніе міра и борющихся среди міровой суеты людей отзывается глубокой скорбью въ сердцѣ тѣхъ, которые станутъ спасителями человѣчества; это заставляетъ ихъ искать Путь освобожденія. Но оглядываясь на исторію этихъ Великихъ Существъ, посколько можетъ передать такую повѣсть исторія или традиція человѣческія, не ясно ли, что агонія черезъ которую Они проходили, имѣла мѣсто до того, какъ Они увидѣли Свѣтъ? Это была мука безпомощности, отраженіе горя, которое

Они видѣли, не понимая причины и не зная средствъ исцѣленія. Остановимся на скорби Божественнаго Человѣка Будды, которому поклоняется треть человѣческаго рода, и вспомнимъ, какъ Онъ искалъ причину страданія, какъ скорбѣлъ о темнотѣ и несчастіи міра, не видя исхода. Онъ пережилъ горе и самоотреченіе, отказался отъ жены, ребенка, дворца, домашняго очага, царства и, вооруженный лишь чашей нищаго, ушелъ въ джунгли, далеко отъ жилища людей. Его сердце было пронзено тоской, Его очи были затуманены. Онъ не зналъ, какъ спасти міръ и не могъ успокоиться, пока міръ страдалъ. Онъ прошелъ черезъ многія опасности и муки, черезъ тѣлесныя страданія и черезъ мракъ и скорбь души, которая жаждала, но не могла увидѣть. Наконецъ, въ то время, какъ Онъ сидѣлъ подъ деревомъ, Его озарилъ свѣтъ, и Онъ позналъ причину страданія. Горе исчезло; его замѣнила радость, и съ устъ Его слетѣлъ торжествующій крикъ радости, которой не будетъ конца, тотъ крикъ, что все еще звучитъ черезъ вѣка. Англійскій поэтъ [1]) нашелъ выраженіе словамъ, въ которыхъ Будда объявилъ, что причина страданія въ невѣдѣніи, и что познаніе рождаетъ радость.

„Я, Будда, который плакалъ слезами всѣхъ моихъ братьевъ,

Сердце котораго было пронзено скорбью всего міра,

Я смѣюсь и радуюсь ибо есть свобода"!

Свобода и есть радость. Слѣпота невѣдѣнія рождала слезы, сердце было разбито страданіемъ міра, какъ и сейчасъ человѣческія сердца разбиваются, по-

---

[1]) Эдвинъ Арнольдъ.

тому что не знаютъ, что есть свобода. Свобода возвѣщаетъ, что причина страданія лежитъ не во вселенной, а въ насъ самихъ, въ нашемъ невѣдѣніи и слѣпотѣ, а не въ природѣ вещей, не въ самой жизни. Съ излившимся свѣтомъ приходитъ свобода, и радость человѣческая становится божественной. Божественный свѣтъ влился въ душу ученика, онъ сталъ просвѣтленнымъ, мудрымъ, а для мудраго нѣтъ скорби: страданіе умерло навѣки для божественно озаренной души.

Глава V.

На порогѣ.

Мы стоимъ передъ Златыми Вратами, которыя каждый человѣкъ можетъ открыть, и которыя ведутъ въ Великій Храмъ; вступивъ въ него, человѣкъ больше не выходитъ изъ него. Мы попытаемся представить себѣ настроеніе приближающагося къ порогу неофита, который надѣется вступить въ Храмъ и примкнуть къ тѣмъ, которые отдали себя на служеніе міру, посвятили себя помощи и прогрессу человѣчества. Стоящіе въ Преддверіи очень различаются по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ; они обладаютъ разными свойствами и большей или меньшей способностью двигаться впередъ, но у нихъ у всѣхъ есть одна общая черта: это серьезность, глубина настроенія. У нихъ опредѣленная цѣль. Они ясно сознаютъ, къ чему стремятся, и смотрятъ на міръ въ свѣтѣ этой цѣли. Это ихъ общая очень важная черта. Въ Восточныхъ Св. Писаніяхъ подчеркивается важность этого глубоко серьезнаго настроенія. Въ Индусскихъ Св. книгахъ легкомысліе опредѣляется, какъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ недостатковъ, а серьезность — какъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ; во всѣхъ религіяхъ мы видимъ такое же отношеніе

къ этимъ свойствамъ. Вступившіе въ Преддверіе перешагнули черезъ тѣ стѣны, которыя разграничиваютъ вѣроисповѣданія, и они понимаютъ, что во всѣхъ религіяхъ одни и тѣ же великія ученія; всѣ религіозные люди стремятся къ одной и той же великой цѣли. Не удивительно, что во всѣхъ Св. Писаніяхъ міра, разъ они исходятъ отъ единаго великаго Братства Учителей, мы находимъ тѣ же требованія для неофита: серьезность считается однимъ изъ самыхъ существенныхъ свойствъ ученика. Наиболѣе подробно это качество разбирается въ II главѣ Дхаммапады:

„Если серьезно настроенный человѣкъ пробужденъ, если онъ не забывчивъ, если его дѣла чисты, если онъ дѣйствуетъ осмотрительно, если онъ ограничиваетъ себя и живетъ согласно закону, его слава будетъ расти.

Пробужденіемъ себя, серезностью, самоограниченіемъ и самообладаніемъ мудрый человѣкъ можетъ сдѣлать для себя островъ, который никакой потокъ не затопитъ

Безумцы, люди ложной мудрости, слѣдуютъ тщеславію. Серьезно настроенный человѣкъ хранитъ свою серьезность, какъ лучшую свою драгоцѣнность.

Не слѣдуй тщеславію, не гонись за наслажденіемъ любви и чувственности! Глубокую радость обрѣтаетъ тотъ, кто склоненъ къ углубленію и размышленію.

Вдумчивый побѣждаетъ тщеславіе серьезностью; мудрый поднимается на вершины мудрости и съ нихъ смотритъ на безумцевъ; спокойно смотритъ онъ на суетливую толпу подобно тому, какъ поднявшійся на гору смотритъ на пребывающихъ въ равнинѣ.

Серьезный среди легкомысленныхъ, бодрствующій среди спящихъ, мудрый двигается впередъ, какъ скаковой конь, оставляющій за собою остальныхъ. Серьезностью поднялся Магхаванъ до власти Боговъ. Восхваляется всѣми серьезность. Легкомысліе всегда порицается.

Бхикшу, который любитъ серьезность и боится легкомыслія, двигается на подобіе огня и сжигаетъ всѣ свои оковы, малыя и большія“.

Оглядываясь на всю совершенную работу, мы видимъ какъ это качество, серьезная вдумчивость, лежитъ въ основѣ всего очистительнаго процесса природы, управленія мыслями, созиданія характера, преображенія низшихъ качествъ въ высшія; весь этотъ трудъ предполагаетъ вдумчивую природу, признавшую свою цѣль и опредѣленно къ ней подвигающуюся.

Такимъ образомъ, эту черту можно признать характерной для всѣхъ, находящихся въ Преддверіи; она проявляется очень реально для тѣхъ, кто прозрѣлъ. Мы знаемъ, что характеръ человѣка можно прочесть въ окружающей его аурѣ; говоря о человѣческой эволюціи, я указывала, что вначалѣ душа представляетъ изъ себя нѣчто весьма неопредѣленное; недаромъ ее сравниваютъ съ безформенной туманностью. По мѣрѣ того, какъ душа развивается, туманный ореолъ обрѣтаетъ все болѣе ясныя очертанія, и аура человѣка принимаетъ соотвѣтствующій опредѣленный образъ; чѣмъ болѣе развивается индивидуальность, тѣмъ болѣе опредѣленны становятся эти очертанія. Если вглядѣться въ стоящихъ въ Преддверіи, то видно, что аура этихъ людей имѣетъ законченныя очертанія; эта законченность является внѣшнимъ признакомъ той внутренней опредѣленности, которая свойственна индивидуальной душѣ. Это явленіе все болѣе и болѣе ярко выражается; здѣсь не можетъ быть ошибки. Душа находится на той или иной ступени не по чьей-либо милости и не случайно: это ясная и опредѣленная ступень, являющая обрѣтенныя качества и силы, ясно видимыя тому, кто прозрѣлъ. Серьезность рождается съ развитіемъ индивидуальности, дающей ясныя очертанія аурѣ; опредѣленно очерченная атмосфера, окружающая человѣка, является какъ бы внѣшнимъ признакомъ внутрен-

няго состоянія вступившихъ въ Преддверіе; у однихъ ярче, у другихъ слабѣе, но черта эта общая всѣмъ.

Въ чудесной книжкѣ „Свѣтъ на Пути“ вѣрно сказано, что посвященія даются ученикамъ самой жизнью; это, конечно, не тѣ посвященія, которыя даются въ самомъ Храмѣ (первое изъ нихъ при прохожденіи черезъ Златыя Врата), а тѣ постоянныя испытанія, съ которыми ученикъ встрѣчается въ своей ежедневной жизни; вполнѣ реально можно сказать, что жизнь — Великій Іерофантъ. Всѣ испытанія, черезъ которыя ученикъ проходитъ, свидѣтельствуютъ о его силѣ и развиваютъ его способности. Въ „Свѣтѣ на Пути“ изложены опредѣленныя условія, начертанныя, какъ говорится въ „Комментаріяхъ“, въ передней каждой ложи истиннаго братства. Эти правила выражены мистическимъ языкомъ, а при употребленіи мистической рѣчи можетъ возникнуть опасность слишкомъ буквально понимать слова, не вникая въ сокровенный ихъ смыслъ. Вы помните четыре истины, начертанныя въ передней каждаго духовнаго братства:

„Прежде, чѣмъ очи увидятъ, они должны быть недоступны слезамъ.“

„Прежде, чѣмъ ухо услышитъ, оно должно утратить свою чувствительность.“

„Прежде, чѣмъ голосъ можетъ заговорить въ присутствіи Учителя, онъ долженъ утратить способность наносить боль.“

„Прежде, чѣмъ душа можетъ предстать передъ Учителемъ, стопы ея должны быть омыты кровью сердца.“

Авторъ „Свѣта на Пути“ далъ къ своей книгѣ цѣнные комментаріи, помогающіе раскрыть глубокій внутренній смыслъ этихъ первыхъ истинъ. Въ нихъ

объясняется, что фраза: „Прежде, чѣмъ очи увидятъ, они должны быть недоступны слезамъ“ — означаетъ, что душа должна перейти отъ жизни ощущеній къ жизни познанія, изъ мѣста, гдѣ она постоянно потрясается страстными вибраціями чувствъ — въ область знанія, гдѣ царятъ опредѣленность, тишина и покой. Глаза — окна души; окна эти затуманиваются „влагой жизни“, т. е. сильныя ощущенія радости или страданія набрасываютъ покровъ на окна души, и она не въ состояніи черезъ него ясно видѣть. Эта пелена набрасывается не изнутри, а извнѣ; не душа, а личность рождаетъ ее, ибо она является не вслѣдствіе пониманія жизни, а въ силу страстныхъ ощущеній. Потому она выражена словомъ „слезы“, которыя являются подходящимъ символомъ страстныхъ эмоцій радости и скорби. Очи души не могутъ настоящимъ образомъ видѣть, пока они не стали недоступны слезамъ, пока окна души не утеряли способность затуманиваться извнѣ осаживающейся влагой, пока они не прояснились и не стали пропускать Свѣта Знанія. Это искусство должно быть обрѣтено. Это не значитъ, что ученикъ утеряетъ свою чувствительность, но что ничто извнѣ приходящее не можетъ нарушить его равновѣсія; онъ не теряетъ способности страдать или наслаждаться — онъ будетъ болѣе остро и страдать и радоваться, чѣмъ другіе — но ни скорбь ни радость не будутъ въ состояніи отвлечь его отъ его цѣли и лишить того равновѣсія, которое приходитъ съ истиннымъ знаніемъ. Знаніе даетъ пониманіе вѣчнаго, непреходящаго, и потому у человѣка является спокойное убѣжденіе, что нереальное не можетъ затуманить зрѣнія души.

Тоже и со второй истиной: „Прежде, чѣмъ ухо услышитъ, оно должно утратить свою чувствитель-

ность". Душа должна достигнуть мѣста безмолвія; ибо, хотя голосъ Учителя постоянно звучитъ въ мірѣ, но уши людей не слышатъ его, потому что они оглушены звуками внѣшней жизни. Учитель не безмолвствуетъ, Онъ всегда говоритъ, голосъ Его постоянно раздается. Но окружающіе звуки такъ громки, что эти грубыя выраженія низшихъ эмоцій не пропускаютъ болѣе нѣжныхъ и тонкихъ мелодій. Поэтому должно настать безмолвіе, и ученикъ въ Преддверіи долженъ обрѣсти то безмолвное мѣсто, гдѣ онъ можетъ услышать истинный звукъ. Это мѣсто безмолвія вызываетъ вначалѣ впечатлѣніе отсутствія всякой чувствительности, такая глубокая ненарушимая тишина встрѣчаетъ здѣсь душу.

Авторъ сильно говоритъ о трудной борьбѣ при наступающемъ безмолвіи. Мы такъ привыкли къ окружающимъ насъ звукамъ, что наступающая тишина поражаетъ душу, какъ будто человѣкъ очутился въ безднѣ, гдѣ нѣтъ звука, въ мракѣ полнаго одиночества, и душѣ кажется, что почва ушла изъ-подъ ногъ, что все измѣнило, какъ будто съ исчезновеніемъ живыхъ звуковъ исчезла и сама жизнь. Если даже Самъ Учитель держитъ руку ученика, ученику кажется, что рука его пуста; онъ не видитъ больше ни Учителя ни того, кто шелъ передъ нимъ, и онъ чувствуетъ себя висящимъ въ пространствѣ: ничего нѣтъ ни надъ нимъ, ни подъ нимъ, ни по сторонамъ. Въ эту минуту безмолвія наступаетъ какъ бы пауза въ его жизни; все какъ будто пріостановилось, даже сама жизнь души. Среди этой тишины, съ другого берега слышится впервые тотъ голосъ, который, разъ онъ прозвучалъ, слышится уже затѣмъ всегда среди всѣхъ звуковъ земли; уловившее его ухо уже будетъ всегда воспринимать его: никакіе земные звуки не въ силахъ заглушить

прозвучавшей въ душѣ музыки. Эти двѣ истины должны быть прочувствованы и пережиты до приближенія къ Златымъ Вратамъ: ученикъ долженъ ихъ понять до того, какъ подойдетъ къ порогу и начнетъ ждать разрѣшенія вступить въ самый Храмъ.

Остальныя двѣ истины принадлежатъ скорѣй жизни въ самомъ Храмѣ, хотя онѣ начертаны уже въ Притворѣ; многое, что здѣсь начертано вырабатывается по другую сторону. Оно дается здѣсь неофиту лишь для его руководства, чтобы онъ зналъ, въ какомъ направленіи ему идти и какъ подготовить себя къ работѣ въ самомъ Храмѣ. Въ Преддверіи душа дѣлаетъ усиліе постигнуть эти великія истины. Способность говорить въ присутствіи Учителей и стоять передъ Нимъ лицомъ къ лицу можетъ явиться, какъ предчувствіе въ Преддверіи, но вполнѣ понятной она можетъ стать только въ самомъ Храмѣ. По эту сторону Златыхъ Вратъ можетъ только забрезжить сознаніе того, что значитъ „способность говорить“. Рѣчь въ присутствіи Учителя есть призывъ къ Великой Сущности, представительницѣ того Луча, къ которому принадлежитъ ученикъ. Призывъ возносится вверхъ и затѣмъ возвращается къ ученику, а отъ него идетъ въ міръ. Это — мольба о знаніи, и отвѣтъ дается, какъ способность передавать, выражать воспринимаемое знаніе. Единственнымъ условіемъ права говорить въ присутствіи Учителей есть стремленіе передавать другимъ обрѣтенное знаніе и стать звеномъ той Цѣпи, которая соединяетъ Величайшаго съ самымъ ничтожнымъ. Тотъ, кто хочетъ стать ученикомъ, долженъ сейчасъ же стать и слугой; онъ не будетъ получать, если не будетъ дѣлиться. Эта способность рѣчи, не внѣшней рѣчи, принадлежащей скорѣй къ низшимъ

планамъ, но истинной рѣчи, говорящей отъ души къ душѣ, указываетъ путь не словами, а скрытой въ нихъ истиной. Эта способность рѣчи дается ученику лишь тогда, когда онъ готовъ отдаться служенію и стать однимъ изъ тѣхъ огненныхъ языковъ живого пламени, которые являются въ мірѣ человѣческомъ, чтобы повѣдать ему скрытую тайну жизни.

Наконецъ послѣдняя истина: „Ученикъ не можетъ стоять въ присутствіи Учителя, пока стопы его не омыты кровью сердца". Подобно тому, какъ слезы обозначаютъ влагу жизни, такъ и кровь сердца обозначаетъ самую жизнь: кровь сердца, омывающая стопы ученика, это — жизнь ученика, отъ которой онъ отказывается, чтобы отдать ее всему міру. Жизнь — самое цѣнное достояніе человѣка, и потому онъ долженъ отказаться отъ нея, чтобы имѣть право стоять передъ лицомъ Тѣхъ, Кто все отдали. Передъ Ихъ лицомъ онъ можетъ предстать лишь тогда, когда онъ погасилъ желаніе жизни для себя, желаніе рожденія и какихъ-нибудь личныхъ переживаній: онъ омылъ стопы свои кровью собственнаго сердца и отдалъ свою жизнь на благо человѣчества, на служеніе. Эту истину можно вполнѣ постигнуть лишь въ Храмѣ, ибо такое полное отреченіе отъ жизни, такое освобожденіе отъ всѣхъ желаній, это есть совершенство тѣхъ, что стоятъ на порогѣ послѣдняго посвященія, это торжество Архата *), познавшаго все, что можно познать, но важно знать, что такова истина, и потому она начертана уже въ Притворѣ.

Разобравъ эти ступени и стадіи, ведущія къ порогу Храма, мы начинаемъ понимать, чѣмъ станутъ

*) Высокая ступень посвященія.

тѣ, кто стоитъ передъ Вратами, готовясь переступить черезъ порогъ; многое и въ нихъ есть еще не совершеннаго, много остается имъ проработать и осуществить, чтобы достигнуть высотъ Посвященныхъ. Но стоящіе здѣсь — люди убѣжденные, съ опредѣленнымъ характеромъ, съ очищенной жизнью, съ потухшими или угасающими страстями, съ самообладаніемъ, съ стремленіемъ къ служенію, къ чистотѣ, къ высочайшему благородству жизни. Стоя на порогѣ, дерзнемъ ли мы на мгновеніе взглянуть впередъ, чтобы понять ожидающее насъ грядущее, понять почему въ Преддверіи такъ много требуется отъ ученика? Четыре Тропы или четыре Ступени виднѣются въ самомъ Храмѣ, и каждая имѣетъ свои собственныя Врата, Врата великихъ Посвященій. Въ „Голосѣ Безмолвія“ и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ получающій первое Посвященіе именуется „вступившимъ въ Потокъ“. Такъ называется тотъ, кто перешагнулъ порогъ и вошелъ въ Храмъ, изъ котораго никто уже не выходитъ.

„Вступленіе въ Потокъ“ есть опредѣленный шагъ. Передъ вступившимъ лежатъ еще семь жизней. Рѣдко человѣкъ, вступившій въ потокъ, достигаетъ цѣли во время одной и той же жизни; обыкновенно ему остается прожить 7 жизней раньше, чѣмъ онъ можетъ сдѣлать послѣдній шагъ. Но всѣ эти выраженія не надо понимать буквально, ибо жизни суть результаты, ихъ нельзя всегда измѣрять земными рожденіями и смертями: онѣ не столько жизни, сколько извѣстные этапы на пути эволюціи, которые не всегда измѣряются промежуткомъ между колыбелью и могилой. Эти стадіи слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывно и безъ перерыва самосознанія.

За этими первыми Вратами стоятъ вторыя, иными словами, второе Посвященіе, въ которомъ послѣднія слабости человѣческой природы отпадаютъ одна за другой, ибо все должно отнынѣ осуществляться въ совершенствѣ. По мѣрѣ того, какъ ученикъ подвигается, оковы его, послѣднія слабости, падаютъ, и онъ близится къ совершенству, къ полному проявленію Божественнаго въ человѣкѣ.

Сказано, что послѣ второго Посвященія человѣкъ принимаетъ только еще одно рожденіе. Только разъ долженъ онъ еще вернуться, а затѣмъ его принудительный кругъ рожденій и смертей законченъ. Онъ можетъ снова вернуться къ воплощенію, но это будетъ по свободному желанію служенія, а не въ силу вращенія колеса рожденій и смертей. Достигнувъ этой стадіи, онъ подходитъ къ третьимъ Вратамъ. Послѣ третьяго Посвященія онъ становится тѣмъ, кому не суждено больше принимать рожденій; въ теченіе своего воплощенія онъ пройдетъ четвертую стадію, которая приведетъ его къ порогу Нирваны *), гдѣ нѣтъ больше принудительнаго для души закона. Четвертая стадія — ступень Архата, на которой сбрасываются послѣднія оставшіяся оковы.

Можно-ли какими-бы то ни было земными словами изобразить эти послѣднія ступени, эти четыре Посвященія? Доступно-ли намъ пониманіе всего труда, который открываетъ эти Врата и подготовляетъ жизнь по ту сторону? Мы уже знаемъ, что неофитъ еще далеко не совершененъ. Въ книгахъ, озаренныхъ лучами изъ Храма, говорится, что должны еще пасть десять оковъ человѣческихъ слабостей. Почему же такъ строги

*) Состояніе славы и неизреченной полноты въ сліяніи съ Богомъ.

требованія къ тѣмъ, кто готовится переступить порогъ? Почему такъ много должно быть осуществлено раньше, чѣмъ будетъ дано разрѣшеніе войти въ Храмъ, и держащіе ключи раскроютъ Врата? Потому что часть разобранныхъ нами условій должна быть налицо еще до этой минуты. Каждый шагъ по ту сторону порога даетъ бо́льшую и бо́льшую власть человѣку. Въ Храмѣ глаза раскрываются, и человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ такъ, какъ здѣсь невозможно. Новое зрѣніе, слухъ и дѣланіе дѣлаютъ изъ него человѣка отличнаго отъ окружающихъ, владѣющаго невѣдомыми имъ силами; среди людей онъ только отчасти съ ними; участвуя въ общей жизни, онъ живетъ особой жизнью. Понятно, что раньше, чѣмъ ему можно довѣрить власть, онъ, дѣйствительно, долженъ стать инымъ человѣкомъ, чтобы данная ему власть не оказалась опасной для другихъ. Если бы такой человѣкъ все еще имѣлъ общія слабости, если бы онъ легко раздражался недостатками окружающихъ, легко терялъ равновѣсіе подъ вліяніемъ событій дня, легко приходилъ въ гнѣвъ; если бы его состраданіе не росло, а сочувствіе было бы недостаточно глубоко, такъ что въ минуту обиды онъ ощущалъ бы гнѣвъ, а не жалость, раздраженіе, а не всепрощеніе, если бы онъ не обладалъ ни терпимостью, ни терпѣніемъ, то подумайте, какіе бы могли быть результаты при обладаніи его, хотя бы еще и въ малой степени, сверхчеловѣческими силами. Не явилась ли бы страшная опасность, что эти свойственные обыкновенному человѣку малые недостатки могли бы привести къ своего рода катастрофамъ? Не сталъ ли бы человѣкъ при новыхъ своихъ силахъ источникомъ опасности для тѣхъ, на которыхъ направлены эти силы. Какъ выдержалъ-бы такой нетерпимый и не обрѣтшій

сочувствія человѣкъ, какъ онъ выдержалъ бы свое положеніе, ставъ способнымъ читать мысли людей и видѣть въ ихъ аурѣ обнаженнымъ то, что обыкновенно окутывается въ благообразную видимость, видя постоянно людей такими, каковы они въ дѣйствительности, а не такими, каковы они кажутся во внѣшнемъ мірѣ? Только тому можетъ быть дана такая сила, кто, помня свои собственные недостатки и борьбу, научился не гнѣваться и не осуждать, а сострадать и помогать слабымъ. Вотъ почему предъявляются суровыя требованія неофиту, стоящему на порогѣ Храма, въ которомъ мѣсто лишь помощникамъ и слугамъ человѣчества. Стоящая передъ нимъ задача такъ велика, что прежде, чѣмъ къ ней прикоснуться, онъ долженъ сильно подвинуться: онъ долженъ быть свободенъ отъ человѣческой слабости, обрѣсти все знаніе, доступное въ предѣлахъ нашей системы, и развить способности познаванія настолько, что въ любой моментъ, куда бы онъ не обратилъ свое вниманіе, онъ могъ бы воспринять все, что можетъ быть познаннымъ. Ибо таковы способности Посвященнаго. Адептъ есть „тотъ, которому не осталось ничему учиться“; онъ стоитъ на послѣдней ступени въ Храмѣ и совершаетъ такую великую божественную работу, что она казалась-бы невозможной, если бы мы не знали, что люди ее уже совершали. Какой прогрессъ должна совершить душа въ нѣсколько краткихъ жизней, чтобы подняться съ того сравнительно невысокаго уровня, на которомъ ее застало первое Посвященіе — до тѣхъ головокружительныхъ высотъ, на которыхъ стоятъ совершенные Адепты, цвѣтъ человѣческой эволюціи? Разъ такая могучая задача предстоитъ неофиту, и ему суждено отбросить послѣдніе призраки человѣческихъ слабостей и невѣдѣнія, то по-

нятно, что ему надо нести колоссальную работу: ставить твердые и могучіе устои тому зданію, которое затѣмъ ему суждено возвести. Когда глаза открываются, величіе задачи выступаетъ ярче, чѣмъ въ дни, когда они были сомкнуты; вступившему на Путь, Путь кажется выше и длиннѣе, чѣмъ тѣмъ, которые видятъ его сквозь отуманенныя очи по эту сторону Вратъ; вступившіе видятъ болѣе ясно Тѣхъ, Кто впереди, и точнѣе измѣряютъ отдѣляющее отъ Нихъ пространство. Въ свѣтѣ этой славы какъ блѣдны подвиги ученика! Какъ ничтожно и слабо все его дѣланіе въ свѣтѣ Ихъ совершенной силы; какъ почти безгранично его невѣдѣніе въ свѣтѣ ихъ совершеннаго знанія, а между тѣмъ, только четыре ступени еще отдѣляютъ его отъ Нихъ. Но условія въ Храмѣ будутъ совсѣмъ иныя; то, что казалось труднымъ, становится легкимъ, и что казалось невозможнымъ, осуществляется тамъ. Прежде всего большая перемѣна въ томъ, что люди въ Храмѣ „понимаютъ“. Помните слова, на которыхъ я нарочно остановилась, приведя возгласъ торжества, сорвавшійся съ устъ Будды, когда Онъ провозгласилъ конецъ рабства и обрѣтеніе свободы? Этотъ возгласъ говорилъ стоящимъ въ мірѣ не только о причинѣ страданія, но и о прекращеніи страданія, прекращеніи рождающагося отъ пониманія дѣйствительности.

„О вы, что страдаете! знайте:

Вы страдаете отъ самихъ себя. Никто иной не принуждаетъ.

Никто иной не заставляетъ васъ жить и умирать“.

Переступившій порогъ знаетъ, что это правда. Люди страдаютъ отъ самихъ себя; они не скованы. Какъ только человѣкъ это понялъ, весь Путь, со всѣми его терніями, преобразится въ его глазахъ; онъ пони-

маетъ, что міръ страдаетъ по невѣдѣнію, что если люди страдаютъ, то это потому, что они мало растутъ и не знаютъ, что переходятъ изъ жизни въ жизнь; колесо рожденій и смертей, къ которому они привязаны, держитъ ихъ такъ крѣпко, потому что они не знаютъ о своей свободѣ. Когда впервые сознаніе человѣка, переступившаго порогъ, озаряется этимъ пониманіемъ, онъ знаетъ, смотря на міръ со всѣми его плачущими очами и надрывающимися сердцами, что есть конецъ страданію, что оно прекратится вмѣстѣ съ невѣдѣніемъ. И такимъ образомъ, раздирающая мука сердца отошла: возможна еще скорбь, пока человѣкъ ее не переросъ, но не можетъ быть болѣе отчаянія и утери надежды. Въ ученикѣ является увѣренность, что заря взойдетъ и солнце встанетъ. Но кромѣ того, переступивъ порогъ, онъ обрѣтаетъ непрерывное сознаніе, надъ которымъ смерть не будетъ больше имѣть власти; рожденіе не родитъ болѣе забвенія. На всѣ послѣдующія жизни при немъ будетъ это непрерывное сознаніе, навсегда обрѣтенное самосознаніе, которое утерять больше онъ не можетъ. Въ сущности, разъ родившись въ человѣкѣ, оно никогда больше утерянымъ не можетъ быть, но оно не отпечатлѣвается въ низшемъ сознаніи въ теченіе тѣхъ жизней, которыя лежатъ по эту сторону Храма. Вступивъ въ Храмъ, душа обрѣтаетъ непрерывное самосознаніе, она можетъ оглянуться назадъ, заглянуть впередъ и чувствовать себя сильной въ познаніи своей безсмертной Сути. Какъ это должно преобразить жизнь! ибо какія самыя большія неизбѣжныя страданія для человѣка? Самыя тяжелыя — это разлука и смерть: разлука, созданная пространствомъ, когда насъ отъ друга отдѣляютъ сотни и тысячи верстъ, и разлука, созданная перемѣной

условій и состоянія, когда покрывало смерти падаетъ между воплощенной душой и развоплощенной. Но разлука и смерть не существуютъ для того, кто переступилъ порогъ. До извѣстной степени онъ ихъ еще чувствуетъ: пока не спали всѣ оковы, разлука и смерть еще рождаютъ муку въ его сердце, но они не могутъ затуманить его сознаніе: разлука существуетъ для него только во плоти, а онъ можетъ уже по желанію выходить изъ своего тѣла и направляться туда, гдѣ больше не имѣютъ власти ни время, ни пространство. Итакъ эти два большіе источники страданія для него больше не существуютъ. Другъ не можетъ быть для него утерянъ, смерть не можетъ оторвать отъ него тѣхъ, кто связанъ съ нимъ душою. Для него разлука и смерть не имѣютъ больше реальнаго бытія; это зло прошлаго, ихъ страшные образы исчезли навсегда.

Но и это еще не все. Не только онъ обрѣлъ непрерывное сознаніе, которое не даетъ ему возможность быть отъ кого-бы то ни было оторваннымъ, но онъ также знаетъ, что и въ грядущихъ жизняхъ онъ уже никогда не будетъ чувствовать, какъ прежде; онъ больше не вернется въ міръ безсознательнымъ, чтобы истратить полъ жизни въ поискахъ, не зная, чего онъ ищетъ; онъ больше не придетъ въ міръ въ полномъ незнаніи, ослѣпленный окутывающей его матеріей. Онъ вернется съ знаніемъ, съ раскрывшимися возможностями къ прогрессу, и, если онъ не двинется впередъ, то это будетъ его собственная вина. Онъ обрѣлъ то сознаніе, при которомъ прогрессъ ускоряется; всякая задержка будетъ идти ужъ не отъ жизни, а отъ него самого.

Его состояніе измѣнится также и вслѣдствіе своего вступленія въ новое братство, которому чужды

облака сомнѣнія, колебаній, это братство пребываетъ надъ всѣми туманами земли, тучи не имѣютъ въ немъ мѣста и не могутъ больше нарушить покой души. Ибо вступивъ въ Храмъ, онъ узрѣлъ великихъ Учителей, и соприкосновеніе съ Ними измѣнило всю его жизнь. Онъ соприкоснулся съ непреходящимъ, и временное не можетъ больше потрясти его, какъ въ тѣ дни, когда онъ не зналъ Вѣчнаго. Его ноги встали на скалу, и волны не могутъ его смести съ нея, заставляя плыть по бурному морю. Такимъ образомъ, какъ не величественна работа въ Храмѣ, условія настолько перемѣнились, что она уже не кажется невозможной. Стезя дѣлается, несмотря на свое величіе, доступной. Она поднимаетъ душу на высочайшія вершины; но эволюція душевная ускоряется невыразимо при разкрывающихся новыхъ силахъ, когда мракъ разошелся, и свѣтъ сталъ виденъ.

По мѣрѣ того, какъ душа поднимается на высшія ступени, скидывая одну за другой послѣднія свои оковы, человѣческая слабость исчезаетъ, и душа начинаетъ сіять во всей своей силѣ, покоѣ и чистотѣ. Иллюзія „низшаго я“ спадаетъ, и душа видитъ всѣхъ людей въ сліяніи съ истиннымъ, Единымъ Я. Сомнѣніе замѣняется знаніемъ; познавая реальную Суть вещей, душа дѣлается неспособной къ сомнѣнію. И всякая надежда на преходящее внѣшнее оставитъ такую душу; ибо въ живомъ общеніи съ реальностями все внѣшнее должно принять свои настоящіе размѣры, и душа познаетъ, какіе призраки—тѣ вещи, которыя раздѣляютъ людей. Она познаетъ, что всѣ различія религіи, превосходство одного культа надъ другимъ, что всѣ экзотерическіе обряды и церемоніи суть только призрачныя стѣны, воздвигнутыя между человѣческими душами; эти при-

зрачныя оковы спадутъ съ просвѣтленной души, и эти слѣды человѣческой слабости отлетятъ. Внутреннія силы души раскроются; зрѣніе, слухъ и знаніе, о которыхъ и мечтать трудно, вливаются со всѣхъ сторонъ въ воспріимчивую, раскрывшуюся душу. Это ужъ не то внѣшними чувствами ограниченное знаніе, исключающее почти всю вселенную и освящающее лишь ничтожную точку земли, а знаніе, вливающееся со всѣхъ сторонъ и какъ бы заливающее душу, такъ что пріобрѣтеніе знанія скорѣе походитъ на процессъ непрерывно растущей жизни. А затѣмъ душа освобождается отъ послѣднихъ, тончайшихъ желаній своихъ, отъ послѣдняго прикосновенія земной жизни и ея ига.

Но подходя къ послѣднему Посвященію, къ тому, которое создаетъ Архата, мы чувствуемъ, что не въ силахъ понять, какія еще могутъ быть оковы въ такомъ высокомъ состояніи. Сказано, что „состояніе Архата столь же трудно понять, какъ переживаніе птицы въ воздухѣ"; какъ она, Онъ не оставляетъ слѣдовъ; какъ она, Онъ переносится въ высотахъ, свободный отъ оковъ, не касаясь земли, и отъ этихъ горныхъ вершинъ къ намъ слетаетъ глубокій миръ, который ничто не можетъ нарушить. Ничто, никакія бури земли не могутъ потрясти Архата: онъ пребываетъ въ мирѣ нерушимомъ, въ свѣтлой ясности и тишинѣ, которую ничто не можетъ затуманить. Знающіе писали объ этомъ состояніи, но слова могутъ передать только слабый отблескъ такихъ переживаній. Сказано:

„Терпимый, какъ земля, какъ молотъ Индры, онъ подобенъ озеру безъ тины; ему не предстоитъ больше рожденіе. Его мысль тиха; тихи его слова и дѣла, когда онъ истиннымъ знаніемъ обрѣлъ свободу, когда онъ сталъ такимъ человѣкомъ" [1].

[1]) Изъ Дхаммапады.

Отъ этой тишины и на насъ нисходитъ ясный, свѣтлый глубокій миръ, и мы понимаемъ, почему объ Архатѣ сказано:

„Нѣтъ страданія для закончившаго путь и освободившагося отъ скорби, ибо онъ скинулъ съ себя всѣ оковы“ [1]).

Таковъ стоящій на вершинѣ Стези Архатъ. Ему остается сдѣлать лишь послѣдній шагъ, чтобы познать все, что возможно познать. Такова цѣль, таковъ Путь, на который могутъ встать всѣ. Таковъ конецъ борьбы; конецъ ея — совершенный миръ.

Рисуя ступени предварительнаго Пути, а затѣмъ уже и Стези за Златыми Вратами, можетъ быть я слишкомъ сгустила краски, и Путь показался страшнымъ? Если такъ, то вина не Пути, а моя. Ибо, какъ бы велики не были борьба, затрудненія и страданіе на Пути, но вступившіе въ Преддверіе ужъ не вернулись бы назадъ ни за какія сокровища земли; какія радости могла бы дать земля тѣмъ, кто переступилъ порогъ, чтобы заставить ихъ разъ оглянуться назадъ? Страданіе на Пути восхожденія лучше радостей земли, выше всѣхъ ея наградъ. Если бы вложить въ одну краткую жизнь всѣ радости, которыя въ состояніи дать земля, если ее исполнить наслажденіями и способностью непрерывно вкушать наслажденіе, увѣнчать ее всѣми чувственными и интеллектуальными радостями, избавивъ ее отъ всякаго прикосновенія страданія и усталости такъ, чтобы это съ точки зрѣнія земной была совершенно идеальная жизнь, то въ сравненіи съ суровыми ступенями Стези, эта земная жизнь сплошной радости была бы блѣдная, скучная и тусклая, музыка звучала бы какъ дисгармонія въ сравненіи

---

[1]) Изъ Дхаммапады.

съ мелодіями Вершинъ. Ибо на этомъ Пути каждый шагъ дѣлается навсегда и каждое страданіе встрѣчается съ привѣтомъ, потому что оно даетъ урокъ. По мѣрѣ того, какъ душа подвигается по Стезѣ, она дѣлается все радостнѣе, ибо невѣдѣніе ея уменьшается, она все болѣе исполняется миромъ, а слабости ея постепенно исчезаютъ; она все растетъ въ свѣтѣ по мѣрѣ того, какъ вибраціи земли теряютъ способность нарушать ея тишину. Только Тѣ, Кто закончили Путь, могутъ сказать о Его конечной цѣли. Но и тѣ, кто только начали восхожденіе, знаютъ, что горе, встрѣчаемое на Пути, есть радость въ сравненіи съ земнымъ счастьемъ, и самые малые его цвѣты краше самыхъ дорогихъ и драгоцѣнныхъ камней земли. Въ свѣтѣ одного Луча, озаряющаго Путь и становящагося все ярче съ каждымъ шагомъ впередъ, весь солнечный свѣтъ земли погасаетъ и становится мракомъ. Ступающіе по Стезѣ знаютъ миръ неизреченный, радость, которую не могутъ нарушить никакія земныя потрясенія, покой на скалѣ незыблемой, которую не могутъ потрясти землетрясенія, то мѣсто въ самомъ Храмѣ, гдѣ Миръ обрѣтается во вѣки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе переводчицы. 3

Глава I. Очищеніе 11

„ II. Контроль мысли 28

„ III. Созиданіе характера 47

„ IV. Духовная алхимія 68

„ V. На порогѣ 89

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ ПО ТЕОСОФІИ:

А. Безантъ. Тупики цивилизаціи и ключи къ нимъ USA. $ 0.48
„ Древняя Мудрость . . . . . „ 0.80
„ Братство Религій . . . . . „ 0.35
„ Въ Преддверіи Храма . . . . . „ 0.45
М. Коллинзъ. Свѣтъ на Пути . . . . . „ 0.32
Бхагавадъ-Гита, пѣсня Господня, 2-ое изданіе пер. **А. Каменской** . . . . . „ 0.32
Е. П. Блаватская. Голосъ Безмолвія . . . . . „ 0.40

На правахъ рукописи:

А. Безантъ. Общедоступныя лекціи по Теософіи . . „ 0.20
„ Идеалы Теософіи . . . . . „ 0.15
С, Джинараджадаса. Основныя положенія Теософіи „ 0.40
Теософическій журналъ „Вѣстникъ“
Годовая подписная плата . . . . . „ 2.—

Книги можно выписывать изъ Ред. журн. „Вѣстникъ“.

2, Rue Cherbuliez. Genève.

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 ноября 1875 г., въ Нью-Іоркѣ, Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адіарѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 50 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религіи, по вопросамъ философіи и оккультнымъ наукамъ.

Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) *Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и. т. п.*
2) *Поощрять сравнительное изученіе религій, философіи и наукъ.*
3) *Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.*

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, обѣщаютъ такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ.

ТЕОСОФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

Выходитъ съ 1923 г.

Программа журнала:

1. Статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, сравнительному изученію религій, оккультизму, по психологіи и др. отраслямъ знанія.
2. Свѣдѣнія о теософическомъ движеніи и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ.
3. Справочный отдѣлъ, вопросы, и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ (за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ) по возможности ежемѣсячно, подъ редакціей А. А. Каменской.

Годовая подписная цѣна съ перес. USA. $ 2.—

Адресъ Редакціи и Конторы для пріема подписки на Вѣстникъ:

Melle HELMBOLDT, chez Melle A. HUGUENIN

8, Grand' Rue, GENÈVE.

РЕДАКТОРЫ:

А. А. Каменская и Ц. Л. Гельмбольдтъ.